

Вчера

Автор:

Фелисия Йап

Вчера

Фелисия Йап

Азбука-бестселлер

Впервые на русском – «лучший психологический триллер последних лет» (Observer) и «умопомрачительный – в самом буквальном смысле слова – дебют» (Red Magazine).

В мире есть два типа людей: те, кто помнит только вчерашний день, и те, кто помнит последние два дня.

Единственное спасение – электронный дневник.

Каждый вечер вы записываете в него то, что хотели бы запомнить. Каждое утро дневник рассказывает вам, где вы были, что делали и кого любите.

Но сегодня к вам в дверь стучится полиция. Они говорят вам, что из реки выловлено тело любовницы вашего мужа. И они подозревают, что это он убил ее два дня назад.

Можете ли вы доверять полиции? А мужу? А себе самой?

«По драматическому накалу „Вчера“ не уступает „Исчезнувшей“ Гиллиан Флинн, а интрига здесь не менее напряженная, чем в „Прежде чем я усну“ С. Дж. Уотсона» (iNews).

Фелисия Йап

Вчера

© 2017 Felicia Yap Ltd This edition is published by arrangement with Curtis Brown UK and The Van Lear Agency All rights reserved

© Ф. Гуревич, перевод, 2019

© Издание на русском языке, оформление

* * *

Алексу и Хан Ши

Поселок неподалеку от Кембриджа, за два года до убийства

Давай я открою тебе страшную тайну. Для начала покажу фотографию.

Это я когда-то. У меня была плоская грудь и уши торчком. Присмотрись – увидишь в глазах надежду, а в душе огонь. Сейчас ни огня, ни надежды. Погасли за годы изоляции.

А вот другая фотография. Ой, смотри ты, вздрогнула. Неудивительно. На фотографии ты, не кто-нибудь. Твое собственное фото, три на четыре, совсем недавнее. Ты здесь неплохо выглядишь. Белокурые волосы каскадом падают на плечи, буфера впечатляют. Знаешь что? Я переделаю себя так, чтобы стать в точности такой же, как ты. Высветлю волосы и наращу того же размера сиськи.

Ты, кажется, морщишь лоб? Никак не въехать, да? Никак не понять, зачем мне понадобилось быть похожей на тебя.

Сейчас объясню. Я помню все. Точно тебе говорю. Я единственный человек на этой планете, который помнит свое прошлое. Все прошлое. Живо и с подробностями. Я не шучу. И этим, черт возьми, я от вас отличаюсь.

Ты что, мне не веришь?

Тоже ничего удивительного. Как все пять миллиардов моно, ты помнишь только то, что происходило вчера. Просыпаешься каждое утро, а в голове – факты. Тщательно отобранная информация о себе и о других. Выползаешь из кровати и тащишься за айдаем, оставленным на блестящей кухонной столешнице. Это твой гаджет, скудный жизненный путь из настоящего в прошлое. Тебе не терпится узнать несколько жалких подробностей, записанных тобою же накануне вечером. Срочно добавить их к воспоминаниям о вчерашних событиях – а также к другим холодным стерильным фактам, которые ты о себе уже знаешь.

В основном мусор, правильно?

Но ты давно к этому привыкла, да? Ты так живешь с восемнадцати лет, когда скукожился твой убогий умишко. Еще бы тебе не завидовать дуо, у которых кратковременная память слегка лучше твоей. При этом вы все равно одинаковые.

Одинаковые ничтожества.

Хочешь, я скажу тебе простую истину, раз уж тебе предстоит узнать меня настоящую?

Помнить все – значит помнить и то, что другие люди с тобой сделали (даже если они сами этого не помнят). Вплоть до мелких и отвратительных подробностей. Что заставляет тебя постоянно думать о мести тем, кто нагадил тебе так сильно. Очень очень очень сильно. Скажем, из-за них ты провела семнадцать лет в психиатрической лечебнице. Страстное желание отплатить, не дающее тебе спать в самые темные ночные часы, когда исчезает ухмылка луны и умолкают совы, – оно оттуда.

Когда помнишь все, привыкаешь доводить все до конца. Например, месть.

Удобно, черт возьми, как ты думаешь?

Именно поэтому я, София Алисса Эйлинг, доведу это дело до конца.

Отличная будет месть. Особенно если посмотреть на все, что ты со мной сделала. На жуткие мелочи, происходившие по твоей вине все эти годы. Я помню их вместе и по отдельности. Итоговая сумма незабытых обид – вот что питает ненависть. О да. Месть будет легкой.

Ведь никто не запомнит, что я с тобой сделаю.

Кроме меня.

Счастье – это процесс. Несчастье – состояние.

Дневник Марка Генри Эванса

Глава первая

Клэр

На кухне стоит мужчина и хнычет. Он перегораживает мне проход к мраморной столешнице, на которой лежит мой айдай, упорно мигая фиолетовым диодом. Скосив глаза, я вижу, что мужчина держится левой рукой за правую и морщится от боли. Из правого указательного пальца течет кровь. Вокруг мужчины – осколки заварочного чайника.

– Что случилось? – спрашиваю я.

– Выскользнул из рук, – отвечает мужчина и трагически кривится.

– Дай посмотрю. – Я огибаю керамические осколки.

Когда я подхожу к мужчине поближе, золотое кольцо на его руке насмешливо вспыхивает. И словно по сигналу, в голове у меня прокручиваются главные факты о муже, выученные за все эти годы. Имя: Марк Генри Эванс. Возраст: 45 лет. Профессия: литератор, однако надеется после следующих выборов стать депутатом парламента от Южного Кембриджшира. Мы поженились в 12:30 30 сентября 1995 года в капелле Тринити-колледжа. На свадьбе присутствовало девять гостей. Родители Марка отказались приехать. Я обещала капеллану Уолтерсу повторять себе каждое утро, что люблю Марка. Свадьба стоила 678 фунтов 29 пенсов. Последний раз у нас с мужем был секс больше двух лет назад, 11 января 2013 года. Марк кончил через шесть с половиной минут.

Я еще не решила, должно это множество накопленных фактов о собственном муже расстроить меня, огорчить или разозлить.

– Хотел поймать, – говорит Марк, – но он отскочил от посудомойки.

Я рассматриваю глубокий порез на его указательном пальце. Длиной почти дюйм. Перевожу взгляд на лицо Марка, отмечая глубокие складки поперек лба. Веер беспокойных морщин вокруг глаз. Перекошенный рот. Вспоминаю, как ночью он метался в кровати, словно во сне за ним кто-то гнался.

– Выглядит жутко, – говорю я, – сейчас принесу пластырь.

Поворачиваюсь к мужу спиной и торопливо взбегаю по лестнице. Факт: аптечка лежит в туалетном шкафу рядом с зеркалом. Прежде чем ее достать, я замираю перед своим отражением. На меня смотрят совсем не те затравленные глаза, что я видела вчера. Зрачки сегодня чище. Но щеки все равно отечные. И кожа вокруг глаз припухла.

Я вчера плакала, перед тем как уснуть. Почти весь день провела в постели.

Я спрашиваю себя: из-за чего? Я изо всех сил всматриваюсь в растянутое зеркалом лицо, надеясь, что на ум мне придут подходящие факты. Но причины вчерашних слез порхают, и их не достать, словно крылья неуловимой бабочки. Я только помню, как рыдала, зарываясь лицом в подушку, и отказывалась есть. Признав поражение, строю соответствующую гримасу – лицо в зеркале хмурится мне в ответ. Вчерашнее несчастье наверняка вызвано чем-то происходившим

два дня назад. Но чем?

Я не помню, что происходило позавчера. Просто не могу. Я помню только то, что было вчера.

Меня ждет муж, говорю я себе со вздохом. Достаяю из шкафа аптечку и спускаюсь на кухню. Марк сидит за столом, баюкая порезанный палец. Рот по-прежнему искривлен в мучительной гримасе.

– Дай посмотрю. – Я открываю аптечку.

Вытираю кровь ватным тампоном, и Марк дергается. Порез гораздо глубже, чем я думала.

– Нужно сначала продезинфицировать. – Достаяю бутылочку с антисептиком и вытаскиваю пробку.

– Да не суетись ты.

– Я не хочу, чтобы у тебя потом загноилось.

– Это просто небольшой порез.

Не обращая внимания на его протесты, я выливаю на рану щедрую дозу антисептика (Марк снова дергается) и заматываю палец пластырем. Марк открывает рот, намереваясь что-то сказать, но потом закрывает и хмурится.

Я целую его замотанный палец, затем встаю и беру со столешницы айдай. Кладу большой палец правой руки на специальную дактилоскопическую кнопку, и фиолетовый диод «ОТКРЫТЬ ВЧЕРАШНЮЮ ЗАПИСЬ» перестает мигать. Скролю до последней записи. Вчера вечером я написала:

11:12. Проснулась с ужасным чувством. Бремя знания давит на плечи. Целый час проплакала в постели. В 12:25 нашла спящего Марка у него в кабинете; разбудила и отдала ему подарок – хотя до дня рождения еще целая неделя. Разрыдалась и снова легла в постель. Забросила все домашние дела – даже сад.

Отказалась от обеда и от ужина. Марк несколько раз заходил в спальню с заботливым видом и говорил, что завтра все придет в норму. Он прав. Вчерашний кошмар к утру исчезнет. В 21:15 выбралась на поверхность ради банана, таблеток и двух стаканов виски, потом снова легла в постель.

Точное, хоть и скупое описание всего, что случилось вчера. Но запись не объясняет, почему я плакала. Она лишь предполагает, что вчерашнее несчастье было вызвано чем-то, что случилось два дня назад. Чем-то кошмарным. Я отматываю экран к предпоследней записи.

Гроза до 9:47. После вывела Неттла гулять. Обед из ростбифа с картофелем, в 13:30 съела в оранжерее в одиночестве. Марк попросил принести ему обед в кабинет, чтобы он мог продолжать писать. Поехала в 16:50 на Гранд-роуд, где мы долго болтали с Эмили за чаем с пышками. Вечером никаких событий. Марк вернулся в кабинет, чтобы еще поработать. Сидела, поджав ноги, перед телевизором с остатками еды из микроволновки.

Эта запись меня раздосадовала и даже поразила. Я предполагала, что она хоть как-то прольет свет на причины вчерашних страданий. Вместо этого краткость и какая-то муть. Я еще раз вчитываюсь в каждое слово, но ощущаю ту же пустоту. Марк может знать, что случилось в тот день. В отличие от меня, он дуо – помнит два дня, вчерашний и позавчерашний. Это отличает его от большинства из нас. Из-за этого он считает себя выше.

– Я помню, что проплакала весь вчерашний день, – говорю я, отмечая, что хмурость на лице Марка никуда не делась. – Но не могу понять из-за чего.

Наши глаза встречаются. У Марка в зрачках темный отблеск, смысл которого я не могу постичь. Гнев? Горе? Или страх?

Он отворачивается и, перед тем как ответить, несколько секунд пристально смотрит на цветок орхидеи.

– Позавчера ты забыла вечером принять лекарство, – говорит он. – Вчера из-за этого случился рецидив.

Наверное, он прав. Факт: 7 апреля 2013 года доктор Хельмут Йонг из больницы Адденбрука прописал мне два лекарства, которые я с тех пор и принимаю. Лексапро и престик. Две таблетки первого и одну – второго, каждый день. Я тянусь к коробке на столешнице, прокручивая в уме нужные детали. Факт: 1 июня 2015 года в 14:27 я приехала в ньюнемскую аптеку и обменяла рецепт доктора Йонга на две упаковки лекарств. Шестьдесят и тридцать таблеток соответственно, ровно на месяц.

Я пересчитываю таблетки в серой коробке. Должно быть пятьдесят и двадцать пять. Вместо этого получается пятьдесят две и двадцать шесть.

– Так и есть, – говорю я со вздохом. – Забыла принять лекарства.

Марк хмыкает и встает со стула. Я отмечаю, как чуть-чуть расслабились его напряженные плечи.

– Я уберу, – говорит он.

Пока Марк возится с совком и щеткой, я достаю из холодильника бутылку молока. У меня урчит в животе. Насыпаю в миску кукурузные хлопья. Сажусь за стойку, беру ложку в руку, включаю радио. Кухню заполняет треск помех, через секунду его пробивают позывные веб-сайта со сравнительными обзорами автомобильных страховок. Марк замечает на совок последний осколок. Потом он решает все же выпить чая, достает кружку и кладет в нее пакетик «Эрл Грея».

«Доброе утро, Восточная Англия, – говорит по радио мужской голос. – В эфире восьмичасовые новости. Ее величество утвердила парламентский акт, поощряющий смешанные браки между моно и дуо, которые составляют, как показывает перепись две тысячи одиннадцатого года, семьдесят и тридцать процентов населения соответственно. Слишком долго этим союзам препятствовали укоренившиеся в обществе культурные предрассудки. В две тысячи четырнадцатом году в Британии зарегистрировано всего восемьдесят девять смешанных браков».

Я украдкой бросаю взгляд на Марка. Он размешивает сахар, и рот его выгибается веселее, пусть на крохотную долю. Я знаю, почему ему приятно. Хорошая новость для его предвыборной кампании. Факт: двадцать лет назад, несмотря на резкое неприятие своей семьи, ему хватило духу жениться на моно

по имени Клэр Буши. Он тот дуо, которого напрямую касаются нужды, надежды и страхи всех моно Британии. Он женат на одной из них.

«Последние научные исследования доказали, что у моно-дуо-пар с семидесятипроцентной вероятностью рождаются дети-дуо».

Дети. Факт: я хочу ребенка. У меня сжимается сердце от мысли о маленьком существе, рожденном для заботы и любви. Но как мне родить ребенка, если из нашего брака ушел секс?

«Правительство убеждено, что увеличение процента дуо поднимет продуктивность и конкурентоспособность британской экономики, – продолжает диктор. – Ее росту будет способствовать закон о смешанных браках – парламентский акт, предоставляющий налоговые льготы моно-дуо-союзам. Закон должен вступить в силу пятнадцатого февраля две тысячи шестнадцатого года».

Если бы они знали. Есть факты. Я заставила себя выучить их, нравятся мне они или нет.

Факт: моно, состоящие в браке с дуо, сталкиваются с ежедневным напоминанием о границах своей памяти. Это обрекает их на хроническое чувство неполноценности. Возможно, поэтому я столько лет принимаю антидепрессанты. В то же время я не допускаю даже мысли о том, чтобы оставить человека, который на мне женился, проигнорировав самое сильное табу общества, ибо в этом случае мои перспективы будут гораздо хуже. Факт: Марк получил 350 тысяч фунтов аванса за свой самый успешный роман «На пороге смерти». Мы живем в Ньюнеме, в особняке с видом на Кэм. Шесть спален, оранжерея, сад на 1,4 акра. Дважды в год отпуск на Карибах, билет в первом классе. Выйди я замуж за такого же моно, как я, до сих пор бы работала официанткой в «Универ-блюзе».

Теперь диктор бубнит о вчерашних футбольных разборках между Англией и Германией.

Я вздыхаю, зачерпывая еще одну ложку хлопьев. Они хрустят, сиропная сладость обволакивает язык. У меня не жизнь, а идиллия – но только снаружи. Факты говорят достаточно. Если бы в моей жизни был ребенок. Годы идут,

и пустота делается все глубже – мне уже тридцать девять лет. И если бы у меня была память, как у Марка. Этот провал разделяет нас, становясь непреодолимой пропастью.

Диктор что-то говорит о Кембридже. Я наостряю уши.

«Тело женщины средних лет найдено сегодня утром в реке Кэм около поселка Ньюнем, в районе заповедника».

Слова тонут в помехах. Я поднимаю взгляд от миски с хлопьями. Марк роняет чашку. На полу кухни дюжина осколков. На столе перед ним дымящаяся лужа «Эрл Грея». К ноге прилип размокший чайный пакетик.

«Пресс-секретарь отделения полиции Кембриджшира заявил, что обстоятельства смерти выглядят подозрительными и что ведется расследование, – говорит диктор. – Переходим к прогнозу погоды: метеорологический центр сообщает, что день будет ветреным».

Я выключаю радио. Наступившая тишина удваивает тревогу.

– В чем дело? – спрашиваю я.

Марк не отвечает. Его глаза смотрят внутрь. Плечи вытянулись напряженной линией.

– Это из-за новостей об умершей женщине?

Муж моргает. Кажется, я не ошиблась. Это из-за нее. Но почему?

– Я... меня просто шокировала эта новость, – говорит он, запинаясь. – Наверное, ее нашли в Райском заповеднике, у дороги. Это ужасно. Вот из-за чего сегодня утром гудела полицейская сирена.

Я всматриваюсь в его лицо. Челюсти сжаты.

– Не понимаю, отчего ты так разволновался.

– Вовсе нет, – возражает Марк, хотя напряженные плечи говорят об обратном. – Просто невнимательность. Сначала чайник, теперь чашка. Извини. Я сейчас все уберу.

Он поворачивается ко мне спиной и выходит из кухни.

Я смотрю на остатки кукурузных хлопьев у себя в тарелке. Есть больше не хочется.

Марк смел с пола остатки чашки и ушел в дальний конец сада, где у него оборудован кабинет. Мне не терпится взять Неттла и прогуляться до Райского заповедника. Часть парка наверняка оцеплена, но может, удастся подсмотреть, что там происходит у полиции.

Цепляю к ошейнику поводок и выхожу с собакой на солнце. Утренний воздух хрустит, чувствуется прохлада. От тротуара доносится слабый аромат жимолости. Мы направляемся к калитке у края Грантчестерского луга. Неттл рвется вперед, почуяв кролика, а то и двух. Я натягиваю поводок. Калитка скрипит, мы вступаем в заповедник. Земля под ногами мягкая, местами даже хлюпает. Множество следов, в основном свежих. Впереди пляшет бабочка-кареглазка, ее силуэт мерцает в солнечных лучах.

Мы пробираемся по заросшей тропе мимо старых ив, оставляя справа мутную заводь реки Кэм, и до меня доносятся приглушенные голоса. Вдалеке видны черные шлемы. Подхожу ближе. У берегового дощатого настила топчутся несколько человек, все смотрят в одну сторону. Трое полицейских не подпускают их ближе. Между двумя деревьями намотана и завязана бантом желтая лента, концы треплет ветер.

Притянув к себе Неттла, я присоединяюсь к людям. Мужчина в джинсах и мягкой куртке возится с камерой. Комментатор в костюме и с отросшей челкой вещает в микрофон. Все остальные таращатся на берег реки. Встав на цыпочки, я заглядываю поверх их голов.

– Никаких смартфонов! – Полицейский грозит пальцем мальчишке.

Представшая моим глазам картина меня разочаровывает. Тела нет, даже в мешке. Только двое мужчин в белых защитных костюмах и голубых резиновых перчатках. Один из них запечатывает что-то в пластиковый пакет. Второй фотографирует нависшее над Кэмом большое дерево. Его огромный ствол тянется футов на двадцать, частично погруженный в воду, потом выпрямляется, расходясь ветками и листьями.

– Что происходит? – Я поворачиваюсь к мужчине в оранжевых флуоресцентных беговых кроссовках.

– Утром здесь нашли мертвое тело.

– А почему я его не вижу?

– Ее недавно увезли, вон по дорожке. – Он указывает на другую тропу, противоположную той, по которой пришли мы с Неттлом.

– Должно быть, жуткое зрелище.

– Когда я здесь пробегал, ее как раз укладывали в мешок. Часа два уже прошло. Блондинка. Длинные волосы. Лица я не рассмотрел.

– Знаете, как ее нашли?

– Да, подслушал, что говорил этот человек. – Он указывает пальцем на комментатора с микрофоном. – Другой бегун заметил что-то в тростнике, она там застряла лицом вниз. Прямо у корней этого большого дерева.

– О господи.

– Надо мне было встать сегодня пораньше. Тогда бы я ее первый заметил.

– Интересно, знают они уже, кто она такая?

– Человек из новостей сказал, что в кармане нашли водительское удостоверение. Но имени не назвал.

Я киваю.

– Ладно, я пошел. Тут уже становится скучно. Милая собачка.

Он поворачивается и убегает, сверкая среди деревьев кроссовками. Я отмечаю, что комментатор складывает микрофон. Камера тоже выключена. Я ослабляю поводок Неттла и тяну его к дому между шуршащих на ветру ив.

Бедняжка. Что с ней могло случиться?

Дома я не нахожу Марка. Наверное, он все еще в кабинете. Снимаю с Неттла ошейник и насыпаю ему в миску щедрую порцию сухого корма. Пока он с хрустом его поглощает, я натягиваю на себя комбинезон и перчатки. Дневник утверждает, что я не занималась грядками как минимум два дня. Сад наверняка вопиет об обрезке и прополке. Всеми своими 1,4 акра.

Распахиваю дверь оранжереи и снова выхожу на солнце. Поднялся ветер. Ступаю на асфальтированную дорожку, ведущую к кабинету мужа. Гроза, разыгравшаяся позавчера утром, оставила следы разрушения по всему саду. Повсюду валяются обломанные ветки и оторванные прутья. Сотни листьев – ветер поднимает их в воздух и закручивает кругами. Буря даже выкорчевала несколько полированных черных и белых камней у края садовой дорожки. На их месте остались темные углубления без травы.

Я не вижу, куда унесло камни. Наверное, их утащил Неттл. Есть у него манера хватать и припрятывать что попало – дневник говорит, что в прошлое Рождество я нашла у него в корзинке два булыжника и погрызенный теннисный мяч. Я умею выучивать мелкие случайные факты, что бы там Марк ни думал.

Достав из-под садового навеса грабли, я принимаюсь за работу. Вскоре около живой изгороди перед домом собирается груда оборванных листьев. От этой кучи успокаивающе веет запахом земли. Работа в саду лечит, – наверное, это правда, поскольку тяжесть у меня в животе постепенно уходит. А может, все дело во внушительной груде листьев – она свидетельствует о том, что я сделала сегодня утром что-то полезное. Домохозяйкам вроде меня приходится измерять ежедневные достижения числом предметов, которые они вычистили или надраили. Только это, пожалуй, и удерживает нас от безумия (или укрощает

депрессию). В отличие от Марка, у меня нет книг с миллионными тиражами, которыми можно было бы гордиться.

В отличие от моего мужа, я мало чем могу гордиться в жизни. Так говорит мой дневник.

Не помогает делу и тот факт, что Марк, подобно большинству дуо, втайне считает моно тупыми. Он думает, что раз мы не способны помнить происходившее два дня назад, то и ум у нас тоже ограничен. Что мир вокруг себя мы воспринимаем близоруко. Ему не хватает смелости сказать это мне в лицо. Но я знаю, он думает об этом всякий раз, когда я открываю рот. Мой дневник подтверждает: все эти двадцать лет я сношу покровительственные насмешки от собственного дуо-мужа.

Но я не буду вдаваться в подробности. Я не стану думать о собственной неполноценности, истинной или мнимой. Особенно теперь, когда у меня наконец-то поднимается настроение.

Я достаю из-под садового навеса пару больших мешков для мусора и с новыми силами начинаю сгребать в них листья. Вдалеке что-то тренькает. Похоже на дверной звонок. Наверное, почтальон.

Я отворяю боковую калитку в живой изгороди и выхожу за угол к парадной двери дома. На крыльце стоит мужчина, лицо его повернуто от меня под углом. Это не почтальон. Худое точеное лицо, сильная угловатая линия подбородка. На висках налет седины. Идеально белоснежная сорочка безупречно отглажена. Оксфордские броги начищены до блеска.

– Чем могу помочь? – спрашиваю я.

Мужчина вздрагивает от неожиданности и оборачивается.

– Ох... – произносит он.

Взгляд останавливается на мне, отмечая грязный комбинезон и такие же башмаки. Радужки серо-стального цвета притягивают, словно магнит. Незнакомец лезет в нагрудный карман и достает оттуда бейдж с фотографией,

прикрепленный к черному складному кошельку. Знак имеет форму снежинки с короной внутри.

– Ханс Ричардсон, полиция Кембриджшира, отдел уголовного розыска. Хотел бы поговорить с Марком Эвансом.

– Зачем?

– Следствию нужна его помощь.

– Какому следствию?

– Мы расследуем гибель женщины.

Я смотрю на инспектора, разинув рот.

– Случайно, не... э-э... той женщины, про которую передавали в утренних новостях? Ее тело нашли в Кэме.

– Именно так, – кивает он. – Я главный следователь этого дела. И буду признателен, если вы позовете мистера Эванса. Это ваш муж, полагаю?

Я киваю. Что-то в этом мире с самого утра идет не так, но я не могу нащупать, что именно. Мои глаза скачут в сторону от Ричардсона; перед домом припаркована патрульная машина в желто-голубую клетку. За рулем водитель в форме, усатое лицо трудно рассмотреть сквозь затемненное стекло. Из окрестных домов высовывают головы соседи, одна, в нарядном сиреновом платье, даже вышла на крыльцо, чтобы получше нас разглядеть. Мне давно действует на нервы этот ряд однотипных домов напротив нашего.

– Марк работает у себя в кабинете, – говорю я, торопясь увести Ричардсона от глаз соседей, – пойдете.

Я веду инспектора за угол дома, замечая повторяющийся узор на его шелковом галстуке. Похоже на греческий символ «пи», который мы когда-то проходили в школе. Неттл бросается к нам. Ричардсон пригибается почесать собачью голову и получает за это энергичный визг. Когда мы проходим через

открывающуюся в сад боковую дверь, я набираюсь храбрости и спрашиваю:

– Как ее звали?

Инспектор морщит рот, потом отвечает:

– София Эйлинг.

Имя не высвечивает у меня в голове ни единого факта.

– А почему ее гибель... э-э... выглядит подозрительно?

– Не могу вам сказать, – качает он головой. – Извините. Прекрасный сад, кстати говоря. Очень интересно.

– Спасибо. Я позову мужа.

Ричардсон кивает. Я ухожу по садовой дорожке за Марком. Тревога вздымается волной и захлестывает сердце, смывая все остальное. Не может быть никакой связи между Марком и Софией Эйлинг. Я не знаю о ней ни единого факта. Чтобы убедиться в этом, я останавливаюсь посреди дороги, достаю айдай и набиваю ее имя. Результатов – ноль.

Подойдя к дверям Маркова логова, я стучусь. Изнутри доносится громкий стон.

– Я же пишу, Клэр! – Голос Марка приглушен, но в нем ясно слышится раздражение. – Сколько раз уже просил не беспокоить меня, когда я пишу. Обязательно впечатай это сегодня себе в дневник. И потрать побольше времени на изучение фактов.

– Это срочно, Марк. Пожалуйста, выйди.

Я слышу приглушенное чертыханье и наконец звук приближающихся шагов.

Дверь распаивается с громким скрипом, выставляя на обозрение идеальный порядок кабинета. Мой муж стоит передо мной, глядя в пространство. Вид у него

диловатый. Если он писал весь последний час, это действие, должно быть, сильно его возбудило.

– С тобой хочет поговорить детектив. Ханс Ричардсон, полиция Кембриджшира, отдел уголовного розыска. Он расследует дело той женщины, про которую утром говорили по радио.

Кровь отливает у Марка от лица. Левая рука дрожит.

«Сайентифик Америкен», 15 сентября 2005 года

Все записано в наших генах: Ученые обнаружили ген (и белок), ответственный за разделение общества по глубине памяти

Ученые Гарварда идентифицировали генный триггер, отвечающий за разницу в глубине кратковременной памяти между дуо и моно. Этот ген регулирует производство особого протеина, так называемого цАМФ[1 - ЦАМФ – циклический аденозинмонофосфат. – Здесь и далее примеч. перев.] – ответного элемента активирующего белка, более известного под латинским наименованием CREB.

Образцы крови, собранные у пяти тысяч добровольцев, подтверждают очень низкий уровень CREB у взрослых – как дуо, так и моно, – в отличие от подростков моложе восемнадцати лет. При этом уровень CREB в крови дуо все же выше, чем у моно, что увеличивает глубину их кратковременной памяти до двух дней вместо одного.

Ученые считают, что производство этого белка ингибируется в возрасте двадцати трех лет у дуо и восемнадцати – у моно, разделяя, таким образом, человечество на две группы с разной глубиной памяти. Они пытаются понять, как и почему это происходит и всегда ли было именно так.

Дуо Патрик Килберн, возглавляющий эти исследования, полагает, что генный триггер можно переключить синхронизированной комбинацией физического и эмоционального стрессогенных факторов. Для того чтобы это произошло,

травмы обеих форм должны совпасть по времени, настаивает ученый. Мыши, подвергшиеся одновременно физическому и эмоциональному шоку, обладают повышенным уровнем CREB и более глубокой кратковременной памятью.

Пресс-секретарь Международного фонда памяти (МФП) – организации, финансирующей эти исследования, – сказал: «Открытие генного триггера предоставляет человечеству прекрасную возможность улучшить в недалеком будущем свою память. По меньшей мере в один прекрасный день мы сможем всех моно конвертировать в дуо».

Глава вторая

Марк

Когда утром передали эту новость по радио, я думал, хуже уже некуда. Оказалось – есть куда.

Говорят, счастье – в незнании. Я снова смотрю в глаза Клэр – в те самые глаза, что заморозили меня двадцать лет назад в «Универ-блюзе» (так говорит мой дневник). Зрачки сегодня кристально чистые, бремя знания не оставило на них пятен. Всего один день, и такая разница. Вчера из них выплескивалась мучительная агония. Сегодня это лавандовые радужки безмятежной женщины – комфорт защищен беспмятством, пытка знанием отменена.

В верхушках деревьев завывает ветер.

Впервые в жизни я готов отдать все, чтобы стать моно, как Клэр. Именно сегодня. Знаю, что она мне завидует. Сильно. Эта беда то и дело проявляет себя в нашем браке – и в моем дневнике. Я потерял счет фразам, начинающимся с «очередная тирада Клэр о том, что все дуо...».

Как же плохо она понимает, что у нее куда больше оснований быть счастливой именно потому, что она моно.

Я глубоко вздыхаю в надежде успокоить скачущие мысли.

– Очень странно, – говорю я.

– Инспектор Ричардсон ждет, Марк. – Клэр скрещивает на груди руки, не сводя с меня беспокойного взгляда.

Мне остается лишь последовать за ней по садовой дорожке к тому месту, где стоит детектив. Издалека видно, что он высок и хорошо сложен, с сильными плечами. Не до шуток, я здесь по делу, говорят эти плечи.

Скосив глаза, я замечаю, как этот человек прячет что-то в карман. Похоже на футляр от камеры. Проклятье. Что он фотографировал у меня в саду? Оставшиеся несколько ярдов я прохожу быстрее.

– Доброе утро, инспектор, – говорю я.

Вблизи я отмечаю, как хорошо черты его лица сочетаются с орлиным носом.

– Доброе утро, мистер Эванс.

– Как я понимаю, вы хотите со мной поговорить.

– Извините, что беспокою вас. Я знаю, как вы заняты. Но у меня есть печальные новости о мисс Софии Эйлинг. К моему глубокому сожалению, ее тело нашли в Кэме ранним утром.

– Что?

– В подобных случаях стандартная процедура требует взять свидетельские показания у друзей и родственников. Нам нужно восстановить картину действий покойной перед собственной смертью и предоставить экспертам, производящим вскрытие, все необходимые факты. Вы, очевидно, были знакомы с мисс Эйлинг. Не возражаете против того, чтобы поехать со мной в отделение на Парксайд для дачи показаний? Это не займет много времени.

Слышно, как Клэр со свистом втягивает воздух.

– Вы сказали... вы сказали, что Марк и София были знакомы?

– Да, – кивает инспектор.

– Марк... – Клэр поворачивается ко мне, в расширенных зрачках – обвинение. – Это факт?

Проклятье. Я обязан погасить уже дымящееся в глазах жены подозрение.

– Сейчас проверю, – говорю я ей, доставая дневник и изучая его с самым невинным выражением, на которое способен.

– Дневник утверждает, что я познакомился с Софией два года назад, в Йорке, на писательском фестивале, – говорю я. – Начинаящая романистка, пишет о... гм... пациентах психиатрической лечебницы. В частности, об их наркотических фантазиях. Попросила меня подписать ей экземпляр романа «На пороге смерти». Сказала, что она большая поклонница моих книг. Как вы узнали, что мы с ней знакомы, инспектор?

– Мисс Эйлинг писала о вас в своем дневнике.

Черт. Как мог Софиин дневник попасть в руки инспектора?

– Мне странно слышать, что вы имеете доступ к ее дневнику, – говорю я, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. – Если я правильно изучил факты, закон о правах человека защищает право личности на тайну. Включая тайну переписки и дневников.

– Совершенно верно, сэр, но только в общем смысле. – Детектив на секунду умолкает, скривив рот. – В девяносто восьмом году была принята поправка к закону о защите данных, предоставляющая полиции – в случае необходимости и при наличии специального ордера – доступ к персональным данным. Мы можем конфисковывать или проверять электронные дневники, если затронуты интересы национальной безопасности. Или при расследовании таких преступлений, как убийство или похищение детей. Очень серьезных правонарушений, понимаете? – (Я тяжело сглатываю слюну.) – Так что мы сразу затребовали ордер на инспекцию дневника Софии. Он, как мы полагаем,

поможет расследовать обстоятельства ее смерти.

– Что София писала обо мне?

Детектив молча качает головой, выставив вперед челюсть.

– Инспектор, – я смотрю ему прямо в глаза, – вы только что сказали, что тело этой несчастной выловили из Кэма. Вы стоите у меня в саду и просите меня о помощи. Я желаю знать подробности.

– Вы действительно этого хотите?

– Да, и я настаиваю.

– Ну, если настаиваете... – Он бесстрашно выдерживает мой взгляд.

Слышно, как Клэр вновь со свистом втягивает воздух.

– По дневнику Софии можно предположить, что после встречи в Йорке вы с ней стали весьма близки... – У детектива дергается уголок рта.

Клэр отступает назад. С таким видом, словно ее ударили под дых. Однако ужас, читающийся у нее на лице в первую секунду, тут же сменяется чем-то другим. Щеки горят грозovým огнем. Над ними и над прикушенной губой полыхают глаза.

У меня есть четыре возможности:

а) все отрицать;

б) все валить на характер Софии;

в) выяснить, что писала обо мне София в своем дневнике, – желательно, когда рядом не будет Клэр;

г) все вышеперечисленное.

– Это ложь, – говорю я, сжимая пальцы в кулак. – София все выдумала. Она говорила, что без ума от моих книг. Без ума от меня, хотя мы раньше не встречались.

Детектива это не убеждает.

– Она писала то, во что хотела верить. У нее было расстройство психики. Вы понапрасну тратите время, инспектор.

– Я обязан проверить всех, кто был с ней связан, – у детектива твердеет челюсть, – включая мужчин, с которыми мисс Эйлинг была весьма близка.

Я смотрю на Клэр. Пальцы у нее сжаты, как и у меня. В глазах пузырится все та же жидкая лава. Но слава богу, мою жену можно убедить, если это делать со всей настойчивостью, – к тому склоняют меня дневниковые заметки за последние двадцать лет. Факт: в одной из записей за июнь 1995 года говорится, к примеру, что Клэр равнодушна к малиновым розам и что «долгая, упорная мольба – ключ к ее неподатливому сердцу».

Тем не менее меня передергивает. Стоит таблоидам прослышать, что я один раз изменил Клэр, и можно попрощаться с мечтами о парламенте.

– Инспектор, – говорю я, – надеюсь, вы не намерены меня арестовать?

– Господи боже, нет. Конечно нет, сэр. Нам нужны всего лишь свидетельские показания.

Трудно решить, должно это меня напугать или успокоить.

Ричардсон прокашливается и слегка дергает подбородком.

– Вы хотите знать, что писала о вас София? – говорит он. – Что ж, наш ордер позволяет частично раскрыть содержание ее дневника лицам, которых расследование касается напрямую. Я могу поделиться с вами некоторыми деталями, когда мы приедем в отделение.

Детектив, наверное, думает, что я отдам все, лишь бы узнать, что она обо мне писала.

– Я поеду с вами, инспектор, – говорю я со стоном. – Я буду добровольно помогать следствию, несмотря на полный бред в голове Софии относительно природы наших отношений.

– Благодарю вас.

– Верь мне, Клэр! – говорю я, заглядывая ей в глаза с самой горячей мольбой, на которую только способен.

Но Клэр не отвечает, и я шагаю вслед за детективом по садовой дорожке к машине.

Я думал, меня отведут в комнату для допросов. Вроде тех, что показывают в кино, – голые стены, стол, стул, мощная галогеновая лампа светит прямо в глаза несчастному подозреваемому.

Вместо этого меня проводят в кабинет Ричардсона. Рабочий стол почти пуст: компьютер, чей-то айдай (может, Софии?), цифровой диктофон и гигантский скрепкосшиватель. Почетное место в левом углу стола занимают деревянные шахматы. Пешки уже вступили в ожесточенную схватку. Ни огромных стопок бумаг, ни разбросанных в беспорядке картонных папок, ни чашек с заплесневелыми остатками кофе пятидневной давности. Однако полки позади стола позволяют кое-что узнать о Ричардсоне. Блокноты с цветными наклейками составлены безупречными рядами и следуют друг за другом в точном соответствии с оттенками этих наклеек.

Нужно быть осторожным.

Не показывать, что мне страшно, даже если это так.

В глаза бросается металлическая доска на задней стене с выгравированным на ней текстом:

Озарениям не прикажешь. Они просто случаются.

Не прикажешь и вдохновению.

Оно является, когда не ждешь.

Но сложные задачи решаются за день.

Если гнаться за ними с большой дубиной.

Неизвестный автор

Мне просто необходимо быть начеку. Предельно осторожным. Я нюхом чую людей из породы инспектора Жавера[2 - Инспектор Жавер – персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные», талантливый сыщик, свято верящий в правоту закона, но играющий в романе роль антагониста.], которые в погоне за ответами перевернут все камни до единого. У таких работа заполняет легкие с каждым вдохом. Горбоносый детектив не успокоится, пока не выудит правду.

– Спасибо, что согласились приехать, – говорит Ричардсон. Потом указывает на сержанта, что зашел вместе с нами в кабинет, – серьезного молодого человека с толстыми, словно гусеницы, бровями. – Это сержант Дональд Ангус, он будет впечатывать ваши свидетельские показания в формуляр MG11, согласно инструкции. Потом вы подпишете этот формуляр.

Я киваю.

– Значит, вы дуо, мистер Эванс.

– Разумеется.

– Как давно вы женаты?

– Двадцать лет.

– Дети?

– Нет.

– Вы успешный литератор. При этом вы надеетесь пройти в парламент от Южного Кембриджшира и будете участвовать в выборах как независимый

кандидат.

– Совершенно верно.

– Что сказала София Эйлинг, когда подошла к вам после выступления в Йорке?

– Сейчас посмотрю.

Я достаю айдай, набираю на клавиатуре запрос и вновь поднимаю взгляд на Ричардсона:

– Сказала, что ей очень нравятся мои романы. Что она читает их уже много лет. И надеется, что ее неопубликованную рукопись ждет такой же успех. Так, по крайней мере, говорит мой дневник.

– Что-нибудь еще?

– Нет.

– Подождите минутку. Разве мисс Эйлинг не сказала, что она от вас без ума?

Какой он сообразительный, этот инспектор Ричардсон.

– Ах да. Сказала.

– Что вы ответили?

– Сказал, что польщен.

– Что произошло после этого?

Я молчу. Я отдал бы все, лишь бы узнать, что написала София в своем дневнике о нашей первой встрече.

– Она пригласила меня на ужин. Я отказался.

– Вы сказали «нет» прекрасной блондинке? – По лицу Ричардсона пробегают недоверие.

– Да. – Я смотрю ему в глаза, понимая, что каждое слово в дневнике Софии сейчас свидетельствует против меня. Но у меня перед Софией преимущество – у мертвой женщины нет больше слов, чтобы себя защитить. В отличие от меня.

– Но почему?

– Я не принимаю приглашения от каждого, с кем знакоюсь на писательских конференциях. Даже от прекрасных блондинок.

– Почему же?

– Если человек заявляет, что он от меня без ума, в моей голове включается сигнал тревоги.

– Почему это?

В надежде выбраться из засады и в поисках подходящего ответа я впечатываю в айдай «психи + конференция». К моему облегчению, появляется один результат. Я просматриваю текст и поднимаю взгляд на Ричардсона:

– На таких мероприятиях нередко сумасшедшие, инспектор. В прошлом году, говорит дневник, одна дама с кислотно-розовой помадой на губах буквально избила литературного агента своей сумкой.

Детектив скептически поднимает бровь.

– Так что же произошло потом? – спрашивает он. – После того, как вы отвергли приглашение мисс Эйлинг?

– У нее был недовольный вид. Но она ушла.

– Что значит «ушла»?

– Вышла из комнаты. – Я стараюсь говорить терпеливо.

– Чтобы переспать с вами в другой комнате?

– Разумеется, нет.

– Вы уверены?

– Послушайте, инспектор... – Мне приходится прилагать усилия, чтобы не впустить в эти слова раздражение. – Я понимаю ваше стремление докопаться до причин смерти Софии. Но вы на ложном пути, если позволите мне высказать свое мнение.

– Что произошло после конференции?

– Ничего. – Я качаю головой. – Неужели ее дневник говорит, что у нас уже несколько лет бурный роман?

Детектив молчит. Я замечаю, что он снова выставил челюсть вперед. Собираюсь с силами для ответа на следующий вопрос.

– Общались ли вы с ней после этого?

Чтобы ответить, я достаю дневник.

– Я получил от нее несколько прочувствованных писем. Было видно, что она все еще одержима мной. Я отправил их в корзину. Камилла, мой агент, постоянно пересылает мне похожие письма от поклонниц.

– Приятно, наверное, когда вокруг вас вьются женщины.

– Дневник говорит, что это часто действует на нервы.

– Ваше имя несколько раз всплывает в ее айдае, – неожиданно говорит Ричардсон. – Сто восемьдесят четыре раза, если быть точным.

– Она была настолько одержима мной?

– В ее дневнике встречаются... как бы это сказать... живописные подробности, – говорит Ричардсон, не сводя с меня глаз. – Я еще не все изучил. Этот дневник не похож на те, что приходили по ордерам раньше вместе с делами об убийствах.

Я приподнимаюсь на стуле.

– Читается как сбивчивый поток сознания, – продолжает он, – или, скорее, как бурная река полусознания. Поразительная путаница мыслей.

Я знал, что София эксцентрична (так говорит мой дневник), но никогда не думал, что она сдвинулась настолько.

– Что она обо мне писала?

– Этого я сказать не могу.

– Но... но... вы сказали, что будете рады поделиться со мной деталями, если я поеду с вами в отделение.

– Я сказал, что могу ими поделиться.

– Она писала, что безумно меня любит?

– Вопросы здесь задаю я.

– Простите, инспектор, – говорю я, – мне просто любопытно, вот и все. Вы только что сказали, что мое имя всплывает в ее дневнике сто восемьдесят четыре раза.

– Давайте сменим тему. – Рот Ричардсона вытянут в зловещую линию. – Не могли бы вы подробно рассказать о всех ваших действиях за последние три дня? Давайте начнем со вчерашнего.

И снова у меня есть четыре возможности:

а) сказать Ричардсону правду о том, что сделал я;

б) выдать ему правду о том, что сделала Клэр;

в) солгать;

г) ничего из перечисленного.

– Утром моя жена почувствовала себя ужасно из-за того, что накануне вечером забыла принять лекарства, – говорю я. – Поэтому я решил остаться дома. Даже отменил встречу с волонтерами из группы поддержки, чтобы за ней присматривать. Слава богу, она все время оставалась в постели, и в целом день прошел неплохо.

– Что с ней было не так?

Я чуть не вою. Факт: состояние Клэр изводит меня уже много лет.

– Если вам так нужно знать, инспектор, – говорю я со вздохом, – то моя жена страдает депрессией. Временами ее поведение становится плохо предсказуемым. И кстати, буду очень благодарен, если вы сохраните это в тайне. Мне бы не хотелось, чтобы пресса узнала о... гм... проблемах со здоровьем моей жены.

Ричардсон кивает и, нахмурившись, пометает что-то у себя в блокноте.

– Значит, вы и миссис Эванс весь вчерашний день провели дома?

– Да.

– Что еще вы делали, кроме того, что присматривали за ней?

– Я попробовал писать за кухонным столом, пока Клэр отдыхала наверху. Но выяснилось, что это непродуктивно. Тогда я решил заняться канцелярской работой у себя в кабинете и навещать Клэр примерно раз в час.

– Что значит «канцелярской»?

– Таблицы. Письма. Все, что не требует вдохновения.

– Что же вас вдохновляет, мистер Эванс?

– Обычная жизнь. Самые простые вещи.

– Например, матримониальные разборки? Не они ли послужили вдохновением для сцены в книге «На пороге смерти»? Когда протагонист Гуннар ссорится со своей женой Сигрид всего за два дня до смерти их ребенка?

Выходит, детектив читал мой роман.

– Невозможно сказать в точности, как именно жизнь влияет на романы. – Фраза прозвучала резче, чем я предполагал.

– Как вы следите за тем, что вас вдохновляет?

Факт: по какой-то причине только моно задают мне такие вопросы на писательских фестивалях. Не знаю почему, – возможно, это связано с их чувством неполноценности. Но разве детектив может быть моно? Как бы то ни было, придется дать ему дежурный ответ, один из тех, что у меня всегда наготове.

– Записываю в дневник, разумеется. Все. Все, что поражает, раздирает душу, кажется абсурдом.

– Как вы следите за тем, что уже написали, когда работаете над романом?

– Просто листаю назад, если чего-то не помню.

– Почему тогда Гуннар у вас на одной странице родом из Варберга, а на другой – из Вальберга? Один город – в Норвегии, другой – в Швеции.

Я смотрю на детектива, разинув рот. Факт: я наткнулся на эту опечатку через два месяца после публикации – она ускользнула от редакторов. При этом никто из читателей не заметил ошибки – до сегодняшнего дня. Судя по всему, Ричардсон читал роман по-настоящему внимательно. От этого я занервничал в два раза сильнее.

– Вы хорошо знаете географию Скандинавии, инспектор.

– Я на четверть швед и на четверть датчанин.

Я моргаю.

– Вы не ответили на мой вопрос, – говорит он.

– Во всех романах бывают... гм... ошибки. Неужели вы тратите все свое время на то, чтобы искать их в книгах?

– Моя работа – находить трещины в том, что снаружи выглядит целым. – Серые глаза детектива превращаются в стальные буравчики. – Кстати, как бы вы охарактеризовали свой брак?

– Конечно, как счастливый. – Голос срывается на дрожь, несмотря на все мои старания говорить уверенно.

– Что вы понимаете под словом «счастливый»?

Я прочесываю мозг в поисках подходящего фактического ответа и решаюсь наконец позаимствовать пару строк из романа «На пороге смерти».

– Зависит от того, как мы понимаем счастье. Мое личное определение таково: мы осознаём, что были счастливы, только постфактум.

Ричардсон поднимает бровь и черкает что-то у себя в блокноте.

– Что происходило два дня назад? В четверг?

Здесь уже сложнее. Нужно тщательно выбирать слова.

– Я тоже провел весь день дома. Почти все время писал у себя в кабинете. В отличие от вчерашнего дня, четверг был относительно продуктивным. Я написал около восьмисот слов. А во второй половине дня разобрался с почтой.

– Значит, вы не выходили из дому?

– Нет.

– Вы с кем-нибудь разговаривали в течение дня?

– Часов в пять говорил по телефону с Камиллой, моим агентом, и Роуэном, руководителем кампании.

– Что происходило вечером?

– Ничего особенного. Я заснул перед телевизором у себя в кабинете.

– Два дня назад? В среду?

Я достаю айдай и просматриваю запись за среду.

Утром сплошное расстройство и бой с «Прозорливостью бытия», но все же до обеда умудрился написать 800 слов. В полдень переместился на кухню, чтобы сделать себе сэндвич до того, как Клэр вернется из Кембриджской цветководческой школы. Я с удовольствием проглотил сэндвич, радуясь, что не нужно вести бессмысленный разговор с женой. Как ни жаль, но в последнее время ее общество меня расхолаживает. После обеда позвонил Камилле и заверил ее, что «Прозорливость бытия» продвигается неплохо.

– Ну слава богу! А то романисты редко дружат со сроками. Это факт. Но ты уложишься, правда?

– Хорошо, что в последние пару дней наконец-то утих говношторм вокруг моей статьи в «Санди таймс».

– Нам нужны говношторы, чтобы продавать твои книги. Это самый раскрученный кусок прозы из всего, что ты написал. Не хочешь через пару месяцев сочинить продолжение?

Камилла добавила, что наш рекламщик Бен намерен забить наперед лучшее телевизионное время для интервью со мной – следующей весной, когда выйдет роман. И что после того бедлама, который вызвала статья, он весьма уверен в успехе.

Позже позвонил Роуэн, чтобы подтвердить время пресс-конференции в кембриджском Гилдхолле – 12 часов в субботу; удачно согласуется с тем, что закон о смешанных браках в пятницу будет направлен на подпись королеве. Я должен выжать все возможное из того факта, что состою в смешанном браке уже двадцать лет.

– Никогда не упускай шанса, Марк, если он сам плывет в руки. Это кардинальное правило политиков. Самое важное – все делать вовремя, если ты этого еще не понял.

Роуэн прав. Остаток дня я провел, набрасывая ответы на возможные вопросы журналистов и складывая их в PRESSCONF.DOC. Затем разобрал письма и другую корреспонденцию по выборам. (Боже, как я ненавижу эту бюрократию, – может, стоит нанять секретаря?)

Ужин с Клэр, которая провела полдня за приготовлением моего любимого кроличьего рагу. Мне всякий раз неловко видеть, как она батрачит на кухне – зачем она всегда так старается мне угодить? Когда она пытается быть хорошей девочкой, я чувствую себя вдвойне виноватым. Кролик получился восхитительным, но разговор был по-прежнему лишен интеллектуальной искры. Почему бы Клэр не увлечься изобразительным искусством или классической литературой? Пьесами Ибсена, операми Вагнера или Вирджинией Вулф? Что за хлам она вычитывает из этих дурацких женских журналов, которые валяются у нее на тумбочке? Почему я должен прикусывать язык всякий раз, когда мне хочется обсудить поворот сюжета в «Прозорливости бытия», и напоминать себе, что моя жена-моно никогда в жизни этого не поймет?

Остаток вечера провел, развалившись перед телевизором, и преуспел в опустошении бутылки «Шато Лафит Ротшильд» (1996) куда больше, чем в «Прозорливости бытия».

– Писал все утро, – говорю я, поднимая взгляд от дневника. – Приготовил себе на обед сэндвич, потом поговорил по телефону с Камиллой и Роуэном. После полудня разобрался с письмами и прочим занудством, а вечер провел перед телевизором.

– Кажется, ваши дни проходят по одной и той же схеме. – Детектив смотрит на меня, приподняв левую бровь. – В среду, по вашим словам, вы делали ровно то же самое, что и в четверг.

Черт. Опять вляпался.

– Я писатель, – говорю я, стараясь контролировать свой голос. – За годы работы я научился распознавать симптомы творческой мании. И стараюсь выжать из этого состояния как можно больше. Поэтому я и провел всю неделю дома – я писал. Так говорит мой дневник. Я выхожу, только если это нужно.

– «Творческая мания». – Ричардсон повторяет мои слова, задумчиво сморщив лоб. – Помнится, я встречал этот оборот в дневнике Софии.

Ничего удивительного, ведь именно у Софии я этот оборот и позаимствовал. Факт: она произнесла его впервые в тот день, когда мы познакомились, и относилось это к моей работе. Словосочетание мне приглянулось – краткое описание самых продуктивных фаз, которые время от времени у меня случаются, – так что я записал его и выучил на следующий день.

– Ну конечно, ведь София сама была начинающим литератором. – Я решил напомнить об этом Ричардсону. – Приступы творческой мании знакомы любому писателю, и он всегда им рад.

– При этом ни одна строчка в ее дневнике не указывает на то, что она считала себя литератором. – Глаза детектива прожигают мои. – Никаких ссылок на неопубликованные рукописи, – добавляет он. – Ни слова, например, о том, что она трудится над каким-то литературным шедевром.

– Это странно, инспектор, – говорю я, отчаянно пытаюсь держаться невозмутимо. – Она совершенно точно упоминала рукопись о пациентах психиатрической лечебницы.

– Забавно слышать. – Ричардсон кривит рот. – Мисс Эйлинг всяко должна кое-что знать об этих лечебницах. Эта тема в ее дневнике крутится постоянно.

Мой рот наполняется чем-то прогорклым.

– Что вы имеете в виду?

– То, что она очень долгое время провела в соответствующем учреждении и вышла оттуда всего два года назад.

– Она была в изоляции?

– Да. Семнадцать лет.

– Я этого не знал, инспектор.

Должно быть, детектив заметил, как дрогнул мой голос в конце этой фразы, – судя по тому, как он подается вперед, глядя на меня твердо и безжалостно. Он сейчас похож на леопарда, внутри которого свернулось кольцом напряжение, – голодный зверь таращится на свою жертву.

– Мисс Эйлинг убили, – рычит он, приблизившись ко мне так, что его лицо оказывается всего в нескольких дюймах от моего. – Я чувствую это нутром, сколько бы ни говорил мой помощник о самоубийстве. При любом раскладе протокол вскрытия будет готов до конца дня. Он подтвердит мои подозрения, я уверен. София Эйлинг не надевала на себя плащ, не набивала карманы камнями, не заходила в реку Кэм и не топилась в ней, как Вирджиния Вулф. Да, я тоже знаю биографии литературных деятелей. И я установлю личность убийцы до того, как закончится этот день. Запишите мои слова, мистер Эванс. Я это сделаю.

Официальные рекомендации для моно и дуо, которым исполняется 18 лет / 23 года

Как превратить в факты информацию из вашего дневника

1. В конце каждого дня делайте записи в дневнике, даже если вы дуо и в вашем распоряжении два дня. Заносите туда все для вас значимое со всеми подробностями, которые, по вашему мнению, могут быть важны.

2. Что такое факты. Факты – это информация, которую вы узнали из своих дневников и которая никогда не будет забыта. Факты немедленно распознаются сознанием, поскольку они были успешно перемещены в отдел долгосрочного хранения вашего мозга.

3. Прочитывайте вчерашнюю дневниковую запись каждое утро, как только проснетесь. С этого должен начинаться каждый ваш день. Чем больше усилий вы затратите на изучение своего дневника, тем больше информации вы усвоите. Исследования показали, что те моно, которые тщательно работают с дневниками, способны заучить не меньше фактов о себе, чем дуо. В том, что касается работы с дневниками, моно и дуо равны.

4. Относитесь ко всему спокойно. Вы не сможете преобразовать всю дневниковую информацию в факты, хранящиеся у вас в голове, как бы вы ни старались. Согласно результатам научных исследований, моно и дуо усваивают примерно 70 % записанного в их дневниках (из этого правила, разумеется, есть исключения).

Глава третья

София

2 сентября 2013 г.

Жарко. Душно. Кругом начинающие писатели, забили весь зал. Прячут свои амбиции под вежливыми улыбками и затрапезным шмोटьем. Он стоял за кафедрой, время его коснулось, это видно. Бока заплыли. Шевелюра уже не такая буйная, спереди даже поредела. Но никто из присутствующих этого не заметил бы. Кроме тех, кто знал его тощим парнишкой двадцати пяти лет от роду с густой копной волос на голове.

О, они ему хлопали. Еще как. Никто не пишет так, как Марк Генри Эванс. Ничьи книги не продаются так, как книги Марка Генри Эванса. Я топталась в дальнем конце зала. Даже аплодировала вместе со всеми. Так было надо. Главное – не выделяться. Прикинуться нормальной, как советовала Мариска.

Он говорил о вдохновении. О фазах продуктивного творчества. О ловушках литературной славы и успеха. Я, пока он говорил, думала только об одном: как поймать в ловушку его самого.

Я подошла после выступления. Весьма довольная тем, как выгляжу. Волосы до плеч гладкими платиновыми волнами. Брови идеальной формы. Ногти цвета крови. Восхитительно малиновые губы. Я даже оделась, как подобает убийце. Соблазнительное черное платье от Александра Маккуина, декольте намекает на глубину возможностей.

Прекрасное выступление, мистер Эванс, сказала я, послав ему зазывно-мегаваттную улыбку. Он улыбнулся мне в ответ. Метнул взгляд вниз. Прожег мои формы. Ни проблеска узнавания, хвала Господу (и пластическому хирургу, который все-таки отлично справился с задачей).

Мне так близки ваши рассуждения о творчестве, промурлыкала я. Это ведь о радостях творческой мании, не правда ли? Безумие, вообще говоря, часто проявляет себя как мания. Разве творчество и одержимость – не две стороны одной медали? И разве литературный гений, такой как ваш, мистер Эванс, не балансирует на ее ребре?

Его глаза сказали все.

Он у меня на крючке. Пленен моими словами. Мой – только протяни руку.

Песец, до чего примитивны мужчины.

Может, поужинаем вместе? – предложила я, накручивая на палец пероксидный локон. Небрежно. Кокетливо. И при этом убийственно. Обсудим подробнее этот милый вопросик насчет творческой мании.

Можно придумать что-нибудь поинтереснее ужина, фыркнул он в ответ. Не отрывая глаз от моих сисек.

Он был на высоте той ночью.

Сосал.

Слизывал сперму с моих буферов.

О да.

5 сентября 2013 г.

Господи, эта долбаная голова меня добьет.

Шесть дней после йоркской истории. Ни звонка, ни эсэмэски.

Наверное, потерял мой номер.

Почему этот идиот не звонит?

6 сентября 2013 г.

Сегодня ровно девять месяцев с тех пор, как меня выпустили из Сент-Огастина. Тощую. Высохшую. Волосы – как шерсть у стриженной овцы. Спасибо предшественнице, которая умудрилась повеситься на собственной косе, привязав ее к стропилам. За двенадцать лет до того, как я туда попала. С тех пор они стригут всех своих подопечных. Так, по крайней мере, сказала Мариска – у которой на голове был такой же, как у меня, унылый ежик – в одну из своих

спокойных минут, когда мы бродили по заднему саду. Там, где позволялось прогуливаться небуйным психам. Ранним летним вечером, под низкими кривыми тополями.

Как жаль, что она мертва. Остановка сердца. Всего тридцать шесть лет. Когда-то была красавицей.

Посмотрели бы санитарки на меня сейчас. Ни за что бы не узнали. Формы округлились. Щеки опять налились. Лицо перестало быть сморщенным и землистым. Фарфоровые виниры. Волосы ниже плеч уложены мягкими волнами. Почти как в тот день, когда меня погрузили на катер и повезли в Сент-Огастин. Я снова похожа на женщину. Нос определенно стал лучше. Смею сказать, изящнее. Уши наконец прижались. Лепные щеки, подбородок а-ля Венера Милосская. В губах немного филлера, да здравствует гиалуроновая кислота. Дерзко торчат роскошные сиськи, век живи силикон.

Тщеславие подходит мне больше безумия.

У меня украли семнадцать лет жизни. Семнадцать долбанных лет. Я не могу получить их обратно.

Зато я могу получить обратно свою внешность.

И я получу свою месть.

7 сентября 2013 г.

Капли дождя скользят по оконным стеклам. Их поглощает темнота.

Ужасный сон. Тот же самый. На меня наваливаются санитарки. Повсюду руки. Прижимают. Не пускают. Душат. Вихри света над их головами. Осколки темноты. Вверху мигающими эллипсами пляшут звезды, как на «Звездной ночи» Ван Гога. Но в этих звездах нет эксцентрики. Нет игры. Они таят в себе злобный умысел. В них прячутся неумолимые руки. Руки гнут меня вниз. Руки вырывают у меня свободу.

Руки меня душат.

У свободы много преимуществ. Я могу пить сколько захочу. Трахаться с кем захочу. Выпивка и секс не были в Сент-Огастине обычным явлением. Выпивка доставалась тем, у кого хватало средств хорошенько подмазать служительниц. Трахаться могли те, кому нравились женщины. Ушибленные женщины.

Вдобавок я могу печатать в своем дневничке все, что мне заблагорассудится. Не нужно громоздить фасад для санитарок. Ломать чертову комедию. Прикидываться, что у меня «нормальные» мозги. Потому что эти сучки постоянно читали мой дневник. Приходилось писать то, что они хотели там найти. Очень мне было надо торчать семнадцать лет в Сент-Огастине. Могла ведь сократить себе срок. Могла вырваться из этих злобных смиренных рук намного раньше.

Меня вразумила бедная покойная Мариска, которую я так и не успела поблагодарить. Но лучше поздно, чем никогда.

Мы были в тот день в заднем саду. Солнечный свет струился сквозь кроны низких тополей. Вдалеке по морю катились белые гребни. Она сидела на земле, вертя в руке травинку. И с интересом ее изучая. словно впервые видела зелень.

Ты как? – спросила я, решившись заговорить первой. Она одарила меня долгим насмешливым взглядом. снова стала крутить в пальцах травинку. Сначала медленно. Потом быстрее.

Хорошо, насколько это возможно, ответила она.

А как ты, солнышко?

Как ты думаешь? – сказала я.

Горим мы обе огнем, огрызнулась она, переводя жгучий взгляд на тополя. Те, что росли по всему периметру острова, отгораживая нас от свободы.

Затем она подалась вперед, бросив травинку на землю, и глаз ее заговорщицки блеснул.

Я тут вчера вечером подслушала, что говорят о твоём диагнозе санитарки. Какая у нас София уникам. Как София от всех отличается.

Я всегда знала, что я особенная, сказала я.

Ты ничего не пишешь в айдай, который они тебе дали, продолжила Мариска, прищурившись.

Не люблю возиться с дневниками, согласилась я.

Почему это? Резкий вопрос сопровождался небрежным пожатием плеч. Но в глазах мерцало любопытство.

Мне не нужно, сказала я.

Не хочешь сохранить своё прошлое? Факты, которые пригодятся в будущем? Мариска насмешливо подняла брови и провела пальцами по стриженным волосам. Все люди ведут дневники, солнышко. Что за жизнь без фактов? Всем нужно немного прошлого.

Я дотронулась до своей головы.

Факты здесь, сказала я. Все. Я помню, что со мной происходило, даже после двадцати трех лет.

Она вздернула голову и посмотрела на меня с интересом. Пережевывая мои слова. Может, даже относясь к ним серьезно. Большинство обитателей Сент-Огастина старались ко всему относиться серьезно. Кроме всего прочего, каждой из нас приходилось жить с бедами других. С паранойей. Шизофренией. Галлюцинациями. Навязчивыми идеями. Припадками. Нам приходилось страдать вместе. Выручать некому. Раз уж нас собрали на этом гнусном острове.

Хорошо, когда можешь держать все в голове, сказала Мариска. Непроницаемое лицо. Не знаю, был ли в ее словах сарказм. Надеюсь, ты не проговоришься санитаркам об этой своей суперспособности, солнышко?

Я хмыкнула.

С какой такой радости? – сказала я.

Это хорошо, сказала она. А то трое здешних обитательниц как-то похвалились своей полной памятью – лежат теперь на том краю острова в шести футах под землей. Очень неприятный для них факт.

Прищурившись, я посмотрела туда, куда она показывала, мимо качавшихся на ветру корявых тополей.

Что с ними случилось? – спросила я.

Она пожала плечами.

Никто не знает. А может, никто просто не хочет знать. Мой дневник говорит, что начальство замяло дело и позаботилось о том, чтобы никто ничего не спрашивал. Так что пиши-ка ты в свой дневник, солнышко. Каждый вечер. Как все остальные. Как нормальный человек. Как я.

Пустая трата времени, хмыкнула я.

Не пустая, сказала она. Совсем не пустая. Санитарки тоже читают наши дневники.

Это, блин, шутка такая? – спросила я.

Мариска закатила глаза. Потом с сожалением на меня посмотрела. Как будто впервые в жизни видела такую дуру.

У санитарок есть отпечатки наших пальцев, объяснила она. Они читают наши дневники, чтобы распознать симптомы ненормальности. Или обнадеживающие признаки нормальности. Хотя разница между нормой и болезнью, как мы с тобой знаем, очень слабая. Если ты хочешь выйти на свободу, попробуй хотя бы притвориться нормальной. Веди дневник, солнышко. Чем раньше ты начнешь это делать, тем скорее тебя здесь не будет. Изоляция кончится. Тебе ведь хочется свободы, правда? Она усмехнулась, в глубине ее горла что-то хрипло булькнуло. Если слишком долго сидеть под замком в чистилище, то выбраться из него можно лишь двумя способами – в гробу или в лодке. У тебя еще есть шанс на

обратный билет. Если ты правильно разыграешь дневниковую карту.

Я распрямила спину.

Твой дневник – это документ, в твоём дневнике должны быть ключевые факты твоей жизни, сказала Мариска с многострадальческим вздохом. Словно объясняла ребёнку. Даты, время и важные события. Факты, которые тебе понадобятся в будущем. Так, чтобы это могло убедить санитарок.

Хочешь, покажу тебе свой дневник? – предложила она с ехидной улыбкой. Губы изогнулись в лёгком веселье. А то вдруг понадобится вдохновение.

Однако от следующих её слов у меня перехватило дыхание.

Когда-то твоя мачеха сказала твоему отцу, что нашла в корзине твои дневники. Отец подумал, что ты сошла с ума. Поэтому он и решил отвезти тебя в психиатрическое отделение в Кембридже. Поэтому ты в конце концов и попала сюда. Поэтому начальство так мечтает почитать твои дневники. Поэтому они держат тебя здесь так долго – боятся, что ты из тех помешанных, у которых полная память. Поэтому они стараются изо всех сил, чтобы ты не сбежала. Это будет продолжаться до тех пор, пока ты не начнешь писать в дневник, который они тебе дали. Подумай о моих словах, солнышко. Пока вчерашний разговор тех двух санитарок ещё держится у меня в черепе. Ты ведь не хочешь присоединиться к трём дурочкам, что закопаны на том краю острова, правда?

Что-то щелкнуло у меня в голове. Тусклый солнечный свет, пробивавший тополя, внезапно приобрёл зловещий оттенок. Все наполнилось жутким смыслом. Мне многое стало ясно, и это многое пугало. Я была благодарна Мариске за то, что она раскрыла мне глаза на реалии Сент-Огастина. И на возможности, которые откроются за его периметром.

Например, возможность отомстить. Желанная и одновременно заслуженная.

Я пробормотала слова благодарности. За то, что она подтолкнула меня к действиям. Заставила отчаянно мечтать о том, как я отсюда выберусь.

И вот я сижу под мокрым от дождя карнизом. Измученная кошмарами. Ищу утешения в гигантской бутылке водки.

Но я, по крайней мере, свободна, спасибо Мариске. Проклятый сердечный приступ. Как обидно, что она никогда больше не вернется в Амстердам. Когда ее увозили в морг, я поцеловала ее в холодные губы. Она была права: Внешние Гебриды покидают в гробу.

Я не повторю ошибок, приведших меня в Сент-Огастин. Те, кто не помнит прошлого, обречены совершать одни и те же промахи. У тех, кто помнит, промахов может быть намного меньше. У меня впереди много дел. Мне нужно сосредоточиться. Сейчас пойду спать. Вот только допью водку.

Начну с того, что буду снимать трусы перед человеком, который засунул в задницу всю мою жизнь.

Регулярно.

Проснувшись сегодня утром, я вдруг понял, что не могу вспомнить ничего из происходившего два дня назад. Это катастрофа. Как будто огромный нож вонзился мне в сердце. Весь день я провел в оцепенении. Я всегда считал себя дуо. Все вокруг были уверены, что я дуо, как мой отец (а не моно, как мать), – и не я ли, между прочим, был первым учеником каждый год начиная с семи лет? По закону о классовой регистрации (1898) я должен завтра зарегистрироваться в Моно-департаменте. А также сообщить начальнику Кембриджширского отделения полиции, в котором сейчас служу. От моей будущей карьеры останутся жалкие огрызки – в отставку я уйду все тем же простым констеблем. [Для себя: помолчу некоторое время и посмотрю, что из этого выйдет. Как они узнают, что я моно, если я буду держать язык за зубами? Выход есть, я уверен. Все говорят, что в усвоении дневниковой информации моно и дуо равны. Отныне я буду записывать все еще подробнее и внимательно изучать. Вставать еще раньше каждое утро – если постараться, наверняка можно выучивать больше семидесяти процентов. Я не позволю превратить в пар мои мечты и амбиции.]

Дневник Ханса Ричардсона, 1990

Глава четвертая

Ханс

13 часов 15 минут до конца дня

Марка Генри Эванса пришлось отпустить, к сожалению. С куда большим удовольствием я захлопнул бы за ним дверь камеры, той, что находится в глубине нашего отделения.

Этот человек мне лгал. От него явственно несло чем-то подозрительным.

Но у меня ничего против него не было. Кроме мутного и бессвязного дневника покойницы, которая путалась с ним, несмотря на какую-то обиду. Тухло-ботоксная, экс-булимическая, просидевшая семнадцать лет в психушке тетка. Которая, по ее словам, открыв в один прекрасный день глаза, обнаружила, что помнит все свое прошлое. Ее дневник никак не тянет на прямую, неопровержимую улику, которой можно пригвоздить Эванса.

Я изучаю расстановку сил на шахматной доске и двигаю вперед белую пешку.

Мужчина лжет. Я ему не верю. Но женщина еще хуже. Нельзя доверять ни единому слову из ее дневника. Факт: белок, ответственный за краткосрочную память, подавляется после двадцати трех лет. Претензии Софии Эйлинг на обладание полной памятью противоречат как науке, так и логике.

Большей нелепости я, кажется, не слыхал никогда в жизни.

Очередь черных, и я двигаю вперед их пешку. Вполне самоубийственный ход.

Вчерашние события отпечатаны у меня в голове с кристальной ясностью. Я помню все, что происходило в этот день. Ярko и красочно. Каждый свой шаг, с того момента, когда я проснулся утром в легком похмелье, и до того, как заснул опять над книгой «Десять заповедей, которые нужно знать, чтобы продвигаться по службе». События, происходившие до моего восемнадцатого

дня рождения, помнятся так же ярко. Например, курс криминологии, которую я тогда изучал, – до мельчайших подробностей. Я даже вижу поры на носу седоватого профессора, читавшего нам «Введение в криминологию» (он же написал пятитомный учебник к этому курсу). От него еще несло застоявшимся табаком, нестираным вельветом и горелой колбасой.

Но как, черт побери, можно помнить все после двадцати трех лет? Это немыслимо.

Я двигаю белого слона вперед по диагонали, и пешка-самоубийца выходит из боя.

Если что-то похоже на сырую неочищенную фантазию, то оно, скорее всего, ею и является. Во мне борются два желания. Первое – дочитать сегодня дневник Софии. Второе – оставить его на завтра. Факт: в первые двадцать четыре часа после того, как я взялся расследовать преступление, меня должны интересовать только железобетонные, неопровержимые улики. Особенно когда речь идет об убийстве. Да, я рассчитываю установить личность преступника до конца сегодняшнего дня.

Я встаю со стула, ибо мне срочно требуется новая доза кофе. Но не успеваю я сделать шаг к кофейному автомату, как в дверь кабинета влетает юный Тобайас.

– Я прогнал ее отпечатки через несколько баз, – говорит он. – Ничего не находится.

Я не удивлен. София не похожа на человека с криминальным прошлым.

– Я также перепроверил данные из ее водительских прав, – продолжает он. – Действительно, София Алисса Эйлинг была дуо и родилась двадцатого ноября тысяча девятьсот семидесятого года на Бермудах. Получила права в августе две тысячи тринадцатого. Только в налоговом управлении заявляют, что никакой Софии Алиссы Эйлинг у них в базе нет. Также пусто в службе регистрации гражданских актов, и в Министерстве внутренних дел, и в электоральной базе – очень странно. То же самое с Министерством памяти и Департаментом по делам дуо.

– Покопайся еще, ладно? В какой-нибудь базе ее имя должно всплыть.

– Ага, – кивает он. – Еще я проверил регистрационный номер машины. Она купила ее на стоянке в Кембридже двадцать второго августа две тысячи тринадцатого года. Подержанный черный «фиат», за две тысячи девятьсот фунтов.

Я замираю.

– Но я по-прежнему не могу найти ее медицинскую карту, – продолжает он, размахивая руками. – У здравоохрана нет файла для Софии Алиссы Эйлинг. В больнице Адденбрука – тоже. На всякий случай я отлистал назад, почти на десять лет со дня ее рождения. Так ничего и нет.

Дневник Софии может оказаться еще большим бредом, чем я думал. Тобины раскопки жирнее перечеркивают то, что в нем написано. А моим подозрениям требуются железные подтверждения.

– Сделай, пожалуйста, две вещи, – говорю я. – Первая: нужен полный отчет обо всех финансовых операциях Эйлинг.

Тоби кивает.

– Вторая: можешь выяснить, находилась ли она в психиатрической лечебнице под названием Сент-Огастин? У меня мало информации об этом учреждении, знаю только, что оно, возможно, где-то на Внешних Гебридах.

– На Внешних Гебридах? – щурится Тоби.

– Слишком общо, конечно. – Я пожимаю плечами. – Но давай за дело.

Кивнув, он исчезает за дверью. Я достаю диктофон, набираю файл Софии Эйлинг и произношу: «Родилась на Бермудах», «20 ноября 1970 года» и «подержанный черный „фиат“ с затемненными стеклами». Факт: когда пытаешься разгадать загадку, может пригодиться любая деталь, даже незначительная с виду.

Я нажимаю на кнопку, дабы убедиться, что машинка правильно транскрибировала мои слова. Сразу после этого в нескольких ярдах от стола раздается шарканье чьих-то ног. Должно быть, помощник Хэмиш в своих тяжелых ботинках. Проклятье. Трудно было экспертам подержать его в заповеднике на пару часов дольше? Лишняя отсрочка мне бы сейчас не помешала.

– Если вы по-прежнему думаете, что это самоубийство, предлагаю дожидаться протокола вскрытия, – говорю я.

– По пути на Парксайд я заглянул в морг. Мардж и компания приступили к внешнему осмотру тела. Я упросил Мардж дать предварительную информацию – сказал, что это необходимо для следствия. Она согласилась.

На лице Хэмиша явное самодовольство.

– И?..

– Они по-прежнему не исключают возможности самоубийства. По крайней мере, на этой стадии. Пока там нет признаков внешних повреждений.

– Хм...

– Не понимаю, почему вы так уверены, что здесь нечисто.

– На случай, если вы не заметили: на ней был плащ слишком большого размера. – В мой голос проползает раздражение. – Он явно ей велик. Это не ее плащ.

– Но...

– Кто-то надел на нее этот плащ. Этот кто-то сильно испугался. Этот кто-то хотел избавиться от тела чем скорее, тем лучше. Камни в карманах – всего лишь неуклюжая попытка замести следы.

– Я вас не понимаю.

– Факты говорят, что на этой неделе течение в Кэме ускорилось. Прошло много дождей.

– И что?

– Часть камней, которые тянули ее вниз, могло унести течением. Тело всплыло и запуталось в тростниках.

– Даже если так, она все равно могла покончить с собой, – упрямится Хэмиш. – Не стоит так уж цепляться к плащу не по размеру. В этом сезоне на них, кажется, мода. Я видел такие, когда ехал в последний раз из Кембриджа в Эли: болтаются на человеке как на вешалке. Даже у моей жены такой есть. Надевала вчера на концерт в «Хлебной бирже».

Я вздыхаю. Факт: от Хэмиша зачастую больше вреда, чем пользы. Частично тому виной его непреклонное самомнение – распространенная болезнь среди детективов-дуо Кембриджширского отделения. Дело осложняется почти полной неспособностью отойти в своих мыслях на шаг в сторону – огромный недостаток для детектива. Хотя, наверное, моего помощника стоит пожалеть: иногда он не замечает очевидного. И раз уж он ненадолго попал во владения доктора Шелдон, нужно расспросить подробнее, что он там увидел.

– Мардж не нашла на теле следов каких-нибудь веществ? – говорю я.

– Я не спросил.

Хочется взвыть. Это первый вопрос, который задал бы патологоанатому любой уважающий себя детектив.

– Приблизительное время смерти?

– Она пока не знает, – говорит Хэмиш. – По предварительным оценкам, между тридцатью двумя и тридцатью четырьмя часами тому назад. Судя по трупному окоченению, она сказала.

Значит, Софию Эйлинг убили в четверг вечером.

Позавчера.

Надеюсь, ее убил не моно. Иначе это весьма осложнит расследование. Но даже если это сделал дуо, я должен поймать виновника до конца дня. Потому что сегодня убийца-дуо еще помнит о том, что он сделал. И мне будет легче получить чистосердечное признание.

– Что еще нашла Мардж?

– Платиновый цвет – ненастоящий. Эйлинг была натуральной шатенкой. Ей также делали косметические операции. Подбородок, нос, уши и щеки. Силиконовый бюст, ботокс и филлеры.

Хоть одно не бред – сумма, которую женщина выложила пластическому хирургу.

– Что-нибудь еще?

– Кажется, все. Мардж по-прежнему рассчитывает прислать отчет до конца дня.

Я отдал бы все, лишь бы узнать точную причину смерти. Но у меня мало других возможностей, кроме как дожидаться отчета доктора Шелдон. Тем временем надо, чтобы Хэмиш перестал морочить мне голову. Надо его чем-то занять.

– Не могли бы вы кое-что для меня сделать? – говорю я, двигая черного слона назад по короткой диагонали и убирая с доски белую пешку. – Если не путаю, у Марка Генри Эванса сегодня днем пресс-конференция в Гилдхолле. Не могли бы вы сходить на нее и доложить, что там происходит?

– Марк Генри Эванс? – (Я отмечаю ноту изумления в голосе Хэмиша.) – Я видел по пути сюда предвыборные афиши. Это он баллотируется как независимый кандидат от Южного Кембриджшира?

– Так и есть. Наш милый, скользкий мистер Эванс.

– И какая связь между Софией Эйлинг и Марком Эвансом?

– Она говорит, что они трахались. Он – что нет.

Перед тем как двигаться дальше, нужно твердо выучить ключевые факты, относящиеся к моему нынешнему печальному положению. Я выуживаю свой айдай, кладу палец на дактилоскопический сенсор и нахожу запись, которую сделал два дня назад.

Сегодня было два прокола. Мы с Хэмишем обсуждали что-то тривиальное, и я сказал, что мне нужно на всякий случай свериться с дневниковой записью двухдневной давности. Хэмиш посмотрел на меня недоуменно и слегка подозрительно. Я тут же исправился, конечно. Сказал, что имел в виду запись трехдневной давности, а не двухдневной, и быстро перевел разговор на что-то другое. Насколько беспечным нужно быть, чтобы совершить столь явную ошибку.

[Вним.: следить за тем, что говорю в присутствии Хэмиша. Еще один прокол, и он заведет против меня дело. Будет ужасно, если все, что я выстраивал столько лет, обрушится мне на голову. Высокое начальство разжалует меня в ту же минуту, как только узнает, что я притворялся дуо. Или выставит без выходного пособия. Мой безупречный послужной список – и внушительное число преступлений, которые я раскрыл за один день, пока мог держать в голове подробности, – не будут значить для них ничего вообще. В полиции до сих пор царят пещерные взгляды во всем, что относится к моно, – ни одного из нас не сочли достойным высокого поста. Я наверняка писал, как комиссар Мэйхью заявил в интервью от 2014 года, что ведомство и без того слишком прогрессивно и что моно должны быть благодарны, когда их берут на службу хотя бы констеблями.

Второй прокол случился вечером. Закончив работу в 18:20 (спокойный день, кстати), я решил пробежаться до Гранчестера и обратно. На окраине Ньюнема, там, где начинается тропинка через луг, стоял побитый «фиат». За рулем – блондинка, лица не разглядеть из-за тонированных стекол. Когда я пробежал мимо, она смотрела прямо на меня; я вежливо кивнул и побежал дальше.

Эй, крикнула женщина. Удивленно обернувшись, я увидел, что она выскочила из машины и несется ко мне. Одета в черное с головы до пят, под цвет своего «фиата».

Вы Ханс Ричардсон? – хмуро спросила она.

Я кивнул, изумляясь, откуда она знает мое имя.

Гребаная ты сука! – завопила эта женщина. В следующую секунду ее правая рука метнулась к моему лицу.

Я вовремя пригнулся. Я так и не понял, почему я гребаная сука. И чем заслужил ее оплеуху. Понял, однако, что эта женщина вознамерилась оскорбить действием сотрудника полиции.]

Я решаю, что прочел достаточно. Захлопываю свой айдай дрожащими руками. Сегодня мне нужно сделать две вещи:

1. Следить за Хэмишем. Он почует неладное, стоит мне промахнуться еще раз, особенно если учесть, что он кристально четко помнит все происходившее два дня назад (в отличие от меня). Держать его на расстоянии вытянутой руки, насколько возможно.

2. Разобраться с делом до конца дня, пока я удерживаю его в голове целиком. Факт: по воскресеньям у нас работает всего несколько патрульных нарядов – у Тоби и почти всех моих толковых помощников завтра выходной. Если я сегодня упущу нити следствия и возьмусь за них вновь только в понедельник, от дела Эйлинг останется лишь несколько скудных фактов в моем диктофоне, блокноте и айдае. В основном то, что я смогу записать сегодня, то есть явно недостаточно. Хуже того, Хэмиш в понедельник будет помнить о сегодняшнем дне все, вплоть до мелких, но важных (или неважных) подробностей. В отличие от меня.

Я бросаю взгляд на настенные часы. Надо торопиться. До полуночи осталось всего тринадцать часов. Одновременно надо избегать Хэмиша.

На первый взгляд миссия невыполнима. Особенно если прикинуть, что у меня есть на данный момент. Кучка предательских черных и белых садовых камней да завравшийся политикан-литератор.

Может, стоит дать еще один шанс айдаю покойницы?

«Санди таймс», 24 мая 2015 года

Десять вещей, которые нужно знать о мире, где люди обладают полной памятью

Марк Генри Эванс

1. Секс с одним и тем же человеком постепенно становится все менее интересным, из-за этого учащаются измены. Повторения плодят скуку, особенно если люди помнят, как они двадцать лет занимались этим в одной и той же миссионерской позе.
2. Те, кто много лет вместе (возьмем, к примеру, двадцатилетнее партнерство), будут точно знать, почему они до сих пор не разошлись.
3. Людей будет разделять цвет кожи, а не число дней, которые они помнят.
4. У детей до восемнадцати лет будет чуть меньше наглости и чуть больше уважения к родителям.
5. Никому не составит труда отличить факты от фантазии.
6. Вместо предметов люди будут коллекционировать впечатления, никто не станет забивать дома ненужным хламом.
7. Люди будут постоянно пьяны (или под наркотиками), пытаясь убежать не только от настоящего, но и от прошлого.
8. Люди станут вести дневники от скуки, а не от нужды, и капитализация «Эппла» окажется в два раза ниже той, что сейчас.

9. Общество будет ограждать себя от людей с неполной памятью, помещая их в заведения для умалишенных.

10. Люди будут понимать истинный смысл любви и ненависти.

Роман Марка Генри Эванса «Прозорливость бытия» повествует об убийстве, совершенном в темном, искореженном мире – в альтернативной версии современной Британии, где большинство людей обладают полной памятью. Книга выйдет из печати в феврале 2016 года, твердая обложка, цена 11,99 фунта.

«Санди таймс», 31 мая 2015 года

Письмо в редакцию

Сэр,

«Десять вещей» Марка Генри Эванса (24 мая 2015 г.) – это десять ящиков дерьма. Ваш романист предлагает читателям своего будущего романа умерить подозрительность и поверить в параллельный нашему мир-антиутопию, где люди обладают полной памятью. Сей высококонцептуальный замысел настолько высосан из пальца, что становится смешно. Как подобный мир вообще может существовать? Если люди и вправду поймут истинный смысл ненависти (как утверждает мистер Эванс), они станут убивать друг друга без зазрения совести. Произойдут мировые войны, террористические акты, появятся диктаторы-мегаломаньяки, религиозные экстремисты и прочие ужасы. Цивилизация перемелется в пыль и вскоре исчезнет, изувеченная собственной ненавистью. Или человечество попросту сметет себя с лица земли ядерным апокалипсисом.

Я потрясен тем, что ваша газета решилась предложить разумным читателям подобную ахинею в качестве рекламы новой книги какого-то литератора. Далеко не лучший способ потратить 11,99 фунта. Лично я за эти деньги поставлю на свой айдай новую программу.

Вам должно быть стыдно, мистер редактор.

ВОЗМУЩЕННЫЙ ЧИТАТЕЛЬ

Оксфорд

Глава пятая

София

8 сентября 2013 г.

Мариска высекла искру. Материал для растопки пришел два дня спустя с газетной заметкой.

Раздел «Литература и искусство». С фотографии на заглавной странице мне улыбается Марк Генри Эванс. В руках у него книга «На пороге смерти», он ее сейчас будет подписывать. Довольный, словно кот, который поймал крысу и заглотил по этому поводу целую бутылку шампанского.

В тот же вечер я впечатала первые слова в дневник, выданный мне начальством. Это оказалось нетрудно. В конце концов, я знала, что такое быть дуо. Слова давались мне легко. Текли, словно хорошая водка. Я прилежно фиксировала дату, время и событие. Я записывала «факты» своего убогого существования. Все и каждый. Я писала, чтобы освободиться. Чтобы спастись. Чтобы отомстить.

Без малого двадцать лет закупоривать в себе мечту о расплате – и вот она льется наружу потоком слов.

10 сентября 2013 г.

Песец подкрадывается незаметно. Когда его меньше всего ждешь. Именно такой песец явился ко мне в 1995 году. Оглушил и раскатал. Правда восставала от сна – вспышка за вспышкой. Правда, которую я хотела забыть. Правда, что

осталась позади. Правда, вымаранная из моих дневников.

Все произошедшее после моего двадцать третьего дня рождения проматывалось теперь у меня в голове. Неслось на меня безжалостной волной.

Наваливая на душу непосильный груз вины, страха и раскаяния.

Вина. Смерть персидского кота Катапульта через три месяца после моего двадцатитрехлетия. С каким горем я зарывалась лицом в его шкуру. Такую мягкую. Такую бархатную. И такую безжизненную. Правда состояла в том, что мне было лень записывать в дневник симптомы его болезни. И хотя он тяжело дышал вот уже несколько дней подряд, я не пошла с ним к ветеринару. Потом у Катапульта остановилось сердце.

Страх. Шок, когда через две недели после двадцатитрехлетия меня чуть не сбила машина на Тринити-стрит. Она неслась вперед – неудержимо, носом прямо на меня. Блики солнца на хромированном крыле – дьявольский узор. Вращение колес злобно и целенаправленно. Отвратительный визг тормозов.

Невозможность пошевелить языком, когда я лежала рядом с помятым велосипедом. Страшная, холодная уверенность, что ровно через секунду я испущу дух под двумя тоннами железа.

Хуже всего была вспышка понимания, что я устроила это сама. Что мне некого и нечего винить, кроме собственной глупости. Мне хватило идиотизма проигнорировать знак одностороннего движения и покатиться навстречу машинам.

Раскаяние. Идиотский разрыв с Алистером через полгода после двадцатитрехлетия. Боль, как от удара, заполнившая его глаза, когда я сказала, что достойна лучшего. Правда была в том, что вот уже несколько месяцев я за спиной у Алистера встречалась со своим бывшим одноклассником Джеком. Раскаяние обожгло меня позже, когда выяснилось, что Джек – мудака и путается со всеми подряд. Это была очень большая ошибка – бросить Алистера. Огромная. Когда-то этот мальчик меня любил. Но к тому времени я уже стала ему безразлична.

Слишком поздно.

Несметное число раз я блевала в очко. Через минуту после еды. Стараясь не смотреть на рвоту в унитазе. Зато я буду худая, как Лора, от которой млеют все парни в округе. Господи, как же я завидовала ее гибкой, стройной фигуре. И соответственно, умению накручивать мужчин на пальчик, как накручивала она локоны, обрамлявшие лицо. Как они будут пыхтеть от одного моего вида. Теряя на бегу штаны.

Правда заключалась в том, что я не записывала в дневник эти туалетные эпизоды. Делала вид, что их просто не было. Смыто и забыто. А потому продолжала блевать. Снова и снова. Даже после того, как под угрозой лишения ежемесячной выплаты пообещала отцу бросить эту привычку.

Шрамы, накопленные после двадцать третьего дня рождения. Багаж, который я считала выброшенным. Невыученные уроки. Нарушенные обещания. Выболтанные тайны. Повторенные ошибки. Все, о чем я жалела. Все возможности, которые я упустила. Боль, разрывавшая сердце. Страх, заполнявший внутренности. Ужас, поселившийся в голове. Шрамы в душе как напоминание о собственной глупости.

Такой была абсолютная величина правды, свалившейся мне на голову. Невыносимой и нежеланной. Ужасной в своей неотвратимости. Неизмеримой в объёме. Убийственной в дозировке.

Она пробила мне душу. Превратила в эмоциональную калеку. Я не могла больше прятаться под накидкой самообмана. Не могла убавить громкость ужасной реальности, затоплявшей мне мозг.

Несколько дней я провела в оцепенении.

Потом поняла, что в забвении есть покой.

Но я разучилась забывать.

11 сентября 2013 г.

Почему я не могу быть как все нормальные люди? Как домохозяйка-моно из соседнего дома, где она живет с мужем и котом. Просыпается каждое утро в хорошем настроении. Готовая начать новую страницу своей жизни. Без единого эмоционального пятнышка с предыдущих страниц. Блаженная в своем избирательном неведении.

Она не узник нежеланного прошлого.

Освобожусь ли я когда-нибудь от тяжелых воспоминаний? От травм, что закупоривают сознание. Затопляют его. Давят. Освобожусь ли от багажа памяти. От знания того, чего я знать не хочу.

Некоторое время я пыталась делать вид, что все в порядке. Что я все та же девчонка, что и раньше. Хотя той девчонки больше нет. Потом бросила. Нет смысла притворяться, поняла я. И тогда я сделала самую большую глупость в своей жизни. Выбросила старые дневники, решив, что они мне больше не нужны. Кроме всего прочего, эти дневники издевательски напоминали о двух годах относительного блаженства.

Мне хватило тупости думать, что никто не заметит.

Большая ошибка, как говорится.

Огромная.

Отец думал, что нашел для меня подходящее лекарство, правда? Таблетку изоляции. Раз уж он притащил меня в Сент-Огастин, найдя дневники в мусорной корзине, то всяко потому, что счел мой поступок безумием. Мое отчаяние – расстройством ума.

Я просто не успела прийти в себя. Понять, что отличаюсь от других людей и что это нужно скрывать.

Папочка хотел как лучше, я уверена.

Будь проклят и он сам, и этот его билет в Сент-Огастин в один конец. Мне понадобилось семнадцать лет, чтобы получить обратный.

12 сентября 2013 г.

Почему не звонит Марк Генри Эванс? Все же не стану набирать его номер первой. Ни за что. Как бы ни хотелось себя пожалеть. Маленькая мисс Память сидит в своем коттеджике одна-одинешенька.

Память – странная штука, кстати говоря. Почему-то со временем воспоминания становятся все туманнее.

Если ты способен помнить все, проблема в том, что на самом деле ты помнишь далеко не все. Некоторые воспоминания исчезают навсегда. Другие распадаются на смутные фрагменты. Теперь это дымчатые облака взвеси, размытое ничто. Бесформенные куски и кусочки с обгрызенными краями. Затененные осколки света и тьмы. Пресные остатки звука и цвета.

Зато тяжелые воспоминания держатся упорно. Самые богомерзкие – особенно. Они отказываются уходить в туманный путь. Они заползают мне в голову в самые неподходящие моменты. И воют там, словно призраки, посреди ночи.

В этом, мать его так, все дело.

Пора, однако, перестать себя жалеть. Какой смысл выть над старым дерьмом. Пришло время для нового. Время перемен. Теперь-то я найду применение своей памяти. Себе на пользу и в удовольствие.

Моя память уничтожит его.

13 сентября 2013 г.

Позвонил. О да, великий Марк Генри Эванс наконец-то позвонил. У него встреча в Лондоне в три часа, сказал он. Но после этого он свободен.

Вполне понятно, что ему от меня нужно.

Возможно, сказала я.

Ему пришлось просить. О да, ему пришлось меня упрашивать.

Фойе «Кандински» несколько часов спустя. Маленький бутик-отель, укрытый среди обычных домов Южного Кенсингтона. Неприметный вход. Сдержанная элегантность. Симпатичная полка за мраморной стойкой регистрации. Мэтью и Вероника Адамс, сказала я. Она сверилась с компьютером и кивнула. Комната 261. Указала рукой на лестницу. Плюшевые ковры. Расплывчатые блики. Свечи пахнут магнолией.

Он открыл дверь через десять секунд. Все еще в пиджаке. И галстук не развязан.

Ну так я развязала.

Все идет по плану. Я могу быть довольна тем, как развиваются события.

Кроме всего прочего, можно иногда побаловать себя хорошим трахом. Столько лет прошло. Плюс ко всему он не разучился.

Я даже знаю, что сделаю для него завтра.

То, чего он меньше всего ждет.

«Уайред», 6 августа 1991 года

Всемирная паутина благих пожеланий?

Интернет расширит память и сделает жизнь лучше

Творение британского ученого станет величайшим изобретением, сделанным человечеством на благо человечества: так объявлено вчера.

Тридцатишестилетний дуо Тим Бернерс-Ли анонсировал запуск общественного хранилища памяти под названием «Всемирная паутина». Он описывает ее как набор средств хранения и обмена памятных записей в «интернете» без центрального администрирования и центральной базы данных.

Бернерс-Ли, сотрудник Швейцарской лаборатории при Европейском совете по ядерным исследованиям, создал простую систему кодирования, известную как HTML (hypertext mark-up language)[3 - Язык гипертекстовой разметки.]. Он также разработал свод правил под названием HTTP (hypertext transfer protocol)[4 - Протокол передачи гипертекста.], которая позволит компьютерам обмениваться памятными записями. До сих пор «интернетом» пользовались только профессионалы отрасли и научные работники, но в недалеком будущем его возможности смогут оценить все.

Бернерс-Ли настаивает на некоммерческом использовании и дальнейшем развитии своего детища. «Технология ничего не стоит, если она не служит удовлетворению основной человеческой потребности: перемещать и сохранять воспоминания», – сказал он.

Ученый-дуо прокомментировал это так: «Явление станет массовым. Ошеломляет сама мысль о том, что незнакомые люди по всему миру смогут пересылать друг другу памятные записи простым нажатием кнопки». На что другой ученый насмешливо ответил: «Когда-то говорили, что сегвеи – это революция на транспорте. А сегодня на них катаются ленивые туристы».

Глава шестая

Ханс

12 часов 30 минут до конца дня

Все то же – я в жизни не читал ничего нелепее этого дневника. Записи – один чудовищный, вопиющий парадокс. Она утверждает, что помнит все, но не совсем. Ее так называемые воспоминания становятся со временем смутными, она

говорит.

Как можно вспоминать смутно? Так не бывает. Человек или помнит, или нет. Человек или усваивает значимые для него факты, или нет. Хорошо выученные факты достигают сознания. Плохо выученные – не достигают. Это зависит от того, сколько сил человек тратит на изучение своих дневниковых записей. Но в обоих случаях в голове у людей хранятся твердые факты – или не хранятся.

Все просто: черное и белое. Как эти галечные камни в карманах плаща покойницы.

Я двигаю фигуру вперед и связываю коня.

У меня в голове нет ни одного ощущаемого и в то же время стабильного кадра, оставшегося, скажем, с понедельника. Однако я знаю, что в тот день было важным. Чему этот понедельник меня научил. (Факт: большая часть ежедневного опыта повторяется изо дня в день и не стоит усвоения.) В моем дневнике есть описание того, что происходило в понедельник и было для меня действительно важно. Словами, черным по белому. Если я усвою эти факты как следует, я смогу вытаскивать их из головы так же быстро, как, скажем, дату самоубийства Гитлера в берлинском бункере в конце Второй мировой войны (30 апреля 1945 года). И они будут такими же четкими, как мои воспоминания до восемнадцати лет.

Короче говоря, слова в дневнике станут фактами в голове, если я как следует их усвою.

Это же так просто.

Как тогда воспоминания могут быть смутными?

Эта женщина не в своем уме. А значит, новые набеги на ее дневник, скорее всего, пустая трата времени.

Но одну деталь, пожалуй, стоит проверить. Я нажимаю кнопку телефона у себя на столе.

– Хэмиш? – говорю.

– Да?

– Прежде чем отправиться в Гилдхолл, позвоните, пожалуйста, в лондонский отель «Кандински» и выясните, останавливался ли у них в номере двести шестьдесят один Мэттью Адамс. И была ли с ним когда-нибудь женщина. По имени Вероника Адамс.

Сержант-шофер подруливает к парковке перед коттеджем Софии в Гранчестере. Машина останавливается, и я спрыгиваю на землю. Наше второе за утро появление становится для местных сенсацией. Из дверей ближайшего дома высовывается голова любопытной Софииной соседки.

– Доброе утро, – говорю я, шагая к ней по садовой дорожке и доставая свое бейдж-удостоверение. – Ханс Ричардсон, полиция Кембриджшира, отдел уголовного розыска. Могу я задать вам пару вопросов о вашей соседке Софии Эйлинг?

Женщина подозрительно поджигает губы.

– Не волнуйтесь, пожалуйста. Это всего лишь рутинный опрос.

Она кивает, хоть и сморщив лоб. По туману в глазах я догадываюсь, что она моно, как и Клэр Эванс. Факт: двадцать лет детективной работы научили меня тому, что ум в человеке коррелирует с ясностью и четкостью взгляда и что этих двух признаков, к сожалению, лишены некоторые моно. Обидно, что недостаток ума у некоторых вызывает предубежденность против всех.

– Тогда ладно, – говорит она. – Заходите.

Я вступаю в гостиную, и в нос мне ударяет мощное «здрасьте» горелого жира и просроченного масла. В комнате полно мебели, сплошь в ситцевой обивке с цветочным рисунком. С каминной полки ухмыляется фарфоровый бульдог, на полу чуть поодаль стоит продавленный диван с завитками незабудок. Рыжий персидский кот бросает на меня подозрительный взгляд из угла и мчит прочь.

мимо резных напольных часов.

– Ваше имя, если можно?

– Миссис Марта Браун.

– Класс?

– Моно.

– Вы когда-нибудь разговаривали со своей соседкой Софией Эйлинг?

– Да. Но я посмотрю в дневнике на всякий случай.

Из складок фартука она достает дневник, набирает что-то на клавиатуре, энергично кивает:

– Да, мы говорили пару раз. Обычно про Руфуса.

– Про Руфуса?

Она показывает на кота, который с довольным видом точит когти о корпус часов.

– О чем конкретно вы с ней разговариваете? – спрашиваю я.

– София часто заглядывает, чтобы отдать мне его обратно. Особенно перед тем, как уехать в Лондон. Дневник говорит, что Руфус повадился забираться по ночам к ней в коттедж. Прямо не знаю, за что он ее так полюбил. Наверное, кормит его тайком.

– И часто мисс Эйлинг ездит в Лондон?

Прежде чем ответить, миссис Браун несколько секунд изучает свой дневник.

– Да, она там прилично времени проводит.

– Не знаете почему?

Мой вопрос вызывает лишь пустоту во взгляде миссис Браун.

– Я не думаю, что вообще... э-э... спрашивала почему, – говорит она, в легком волнении всплескивая руками. – Но давайте я поищу по ключевым словам.

Пока миссис Браун снова всматривается в дневник, я ловлю себя на том, что разглядываю ее когтистого кота. Может, София столь благосклонно относилась к ночным визитам Руфуса, потому что у нее когда-то тоже был любимый персидский кот. Может, ее дневник и не полный бред.

– Инспектор, – прерывает мои мысли миссис Браун, – я ввпечатала «Лондон + соседка». Ничего не находится, к сожалению.

– Вы знаете, чем мисс Эйлинг обычно занимается здесь, в Кембридже?

Миссис Браун хмурится и что-то печатает в дневнике.

– Он говорит, что София – милая, обаятельная соседка. – Она смотрит на меня честными глазами. – Стильная одежда, прическа всегда в порядке. Все время ездит на этом своем «фиате». Но очень скрытная насчет личной жизни. Я как-то пожаловалась на это мужу. Он сказал, чтобы я занималась своими делами и не совала нос...

– Когда мисс Эйлинг сюда переехала?

– Сейчас посмотрю... Октябрь две тысячи тринадцатого. Очень мне понравилась после предыдущих жильцов.

– К ней кто-нибудь приходит?

Глаза миссис Браун пусты. Она вздыхает и опять тянется к дневнику.

– Набила «гость + соседка», – говорит она через секунду. – Вроде бы ничего.

– Когда вы в последний раз видели мисс Эйлинг?

– Сейчас посмотрю... София принесла мне кота две недели назад, в пятницу, перед тем как сесть на вечерний поезд до Лондона.

– И с тех пор вы точно ее не видели?

– Гм... может, и видела. – По лицу миссис Браун внезапно пробегают испуг. – Но тогда я, наверное, решила, что про это можно забыть. Не стоит записи в дневнике. Я точно не видела ее вчера. Кстати, инспектор, вы уже второй раз за это утро в Гранчестере. В прошлый раз вы заходили к ней в коттедж. С ней что-то случилось? Что-то плохое?

– Этого я не могу сказать. Простите. Спасибо за помощь.

– Надеюсь, с Софией ничего не стряслось, – бубнит у меня за спиной миссис Браун, пока я выхожу из ее коттеджа. – Она и вправду такая милая и обаятельная. Хотя и кормит Руфуса от меня тайком.

Лучше не отвечать, думаю я. Особенно если учесть, что мое впечатление от Софии Эйлинг слишком далеко от понятий «милая» и «обаятельная».

Тяжелая входная дверь коттеджа Софии сопротивляется с тем же упрямством, что и в прошлый раз, но я все же умудряюсь протиснуться внутрь и оказываюсь в гостиной. Проводя сегодня утром поверхностный осмотр, я отметил пять главных особенностей.

1. В гостиной из мебели всего два предмета: красный кожаный диван и лакированный столик. Голые стены, никаких картин. Нет журналов на столике. Нет ковра на полу. Вообще никаких украшений.

2. Над кроватью картина масляными красками, на картине персидский диван, на нем развалилась знойная блондинка с манящим лицом и раздвинутыми ногами. Блондинка очень похожа на саму Софию.

3. Свой айдай она оставила на столике у зеркала, между пузырьком «Шанель № 5» и английским переводом «Камасутры». Когда я открыл дневник, он, к моему удивлению, не потребовал пароля. Дактилоконтроль тоже выключен. Это заставило меня задуматься: она положила его сюда специально, чтобы кто-нибудь прочел, или ей просто наплевать на секреты?

4. На прикроватной тумбочке – стопка книг. Все они написаны Марком Генри Эвансом, и почти все снабжены уценочными ярлыками. На самом верху – замусоленный роман «На пороге смерти» в мягкой обложке, раскрытый на сорок четвертой и сорок пятой страницах. Бегло просмотрев текст, я убедился еще раз, что Эванс любит вычурные усилительные прилагательные и свободно обращается с активными глаголами.

5. На кухонной столешнице – полупустая бутылка водки, в холодильнике – упаковка сыра бри с клубничной добавкой.

В этот раз я изучаю верхнюю одежду, висящую на крючках за дверью. Три пальто из дорогой шерсти. Я смотрю на ярлыки: «Диор», «Прада» и «Москино». Все десятого размера. Это подтверждает мои подозрения насчет плаща «Акваскутум», обернутого вокруг тела, – плащ был не ее.

Я наклоняюсь, чтобы проверить ящик для обуви. В ряд выстроились четырнадцать пар остроносых шпилек-убийц, все ярко-кислотного цвета. Кроваво-красные «Джимми Чу» на четырехдюймовых каблуках. Светло-синие «Маноло Бланик», не менее гравитационно-аномальные. Канареечно-желтые «Кристиан Лубутен» высотой с башню. Названия брендов прекрасно читаются на подошвах. Но когда мы нашли Софию сегодня утром, на ней были ботинки «Ланвен» без каблучков. Спокойного черного цвета. Похоже, перед выходом из коттеджа София надела единственную практичную пару, которая у нее была. Осталось выяснить почему.

Я шагаю на кухню, надеваю перчатки и начинаю одну за другой открывать дверцы шкафов и буфетов. Вскоре я обнаруживаю в нижнем ящике небольшой запас кошачьего корма. Значит, миссис Браун была права насчет Руфуса.

Следующий этап: спальня. Я подхожу к гигантскому шкафу красного дерева в углу комнаты и заглядываю внутрь. В ноздри мне бьет мускусно-бергамотный запах – полки битком набиты одеждой. Я вытаскиваю наугад блузку и два

платья. Дорогая гладкая материя ласкает пальцы. Я проверяю бирки: «Эли Сааб», «Миссони» и «Александр Маккуин». Все – восьмого размера, указывающего на то, что хозяйка предпочитала носить пальто на два размера больше всей другой одежды.

Я перемещаюсь к трюмо в противоположном конце комнаты и начинаю поочередно выдвигать ящики. Поиски приводят к следующему.

1. Огромный косметический набор с двумя дюжинами ярко-красных губных помад разных оттенков и пузырьков с лаком для ногтей тех же тонов.
2. Внушительный запас нижнего белья. Я не эксперт по этой части, но София явно отдавала предпочтение модным кружевным и атласным штучкам.
3. Полный ящик секс-игрушек, включая розовые вагинальные шарики от Энн Саммерс, три вибропули и два вибратора «стоящий кролик». Еще там лежат семь кружевных глазных масок, все черные.
4. Запертый деревянный ящик девять на двенадцать дюймов. Я трясусь его. Внутри шуршат какие-то бумаги.
5. Пыльный фотоальбом в глубине нижнего ящика. Я переворачиваю страницы и обнаруживаю множество фотографий шатенки двадцати с небольшим лет, снятых в окрестностях Кембриджа. Вот она на ялике, в руках – бутылка шампанского, рядом – две безумного вида девчонки в коротких платьях. Вот она растянулась на траве, голова на чьих-то коленях. Вот она едет на велосипеде мимо университетской библиотеки и машет кому-то рукой, рюкзак набит книгами. Вот ковыряется разделочным ножом в кости для жаркого, одетая в нарядное черное платье, на голове бумажная корона из рождественской хлопушки.

Я наговариваю в диктофон список находок, потом с альбомом в руках сажусь в кресло рядом с кроватью. Я разглядываю лицо шатенки на фотографиях, отмечая выпуклый нос и слегка оттопыренные уши. Длинные кудри ниже плеч. Тело с плоской грудью в некоторых ракурсах выглядит болезненно-изможденным. Мало сходства с пышной блондинкой, которую мы вытащили сегодня утром из Кэма. Но возможно, в альбоме юная допластическая версия Софии Эйлинг. Или даже булимийная инкарнация, как подсказывает ее дневник.

Не зря же на этих фотографиях она тощая, как полицейская дубинка.

Я еще раз перелистываю альбом, всматриваясь в изображения девушки. Глаза яркие, сияют бодрым восторгом юности. Лицо горит живой энергией. На многих снимках улыбается, хотя иногда камера выхватывает и более меланхолическую сторону ее натуры. Улыбка широкая, почти всегда захватывает глаза. Лицо юной девушки в лучшие годы кембриджского студенчества.

А не женщины, оставляющей в дневнике вывернутые мучительные записи о расплате и мести.

Но чем дольше я вглядываюсь в этот альбом, тем настойчивее становится у меня в голове бормотание, что нужно, пожалуй, вернуться к дневнику Софии. Слишком круто должна была измениться ее жизнь после этих снимков. Пройден страшный путь, в конце которого ее косметически улучшенное тело всплыло сегодня утром из-под древесных корней. Если я действительно хочу поймать убийцу, я должен прочертить все тайные повороты на траектории ее жизни. И выяснить, как вписывается в них Марк Генри Эванс.

С громким стуком я захлопываю альбом. Он поедет со мной в полицейское отделение вместе с принадлежавшей Эйлинг книгой «На пороге смерти». (Факт: я прочел этот роман Эванса, как только он вышел в твердой обложке, но всегда полезно освежить впечатления.) Загадочный деревянный ящик я, конечно, тоже беру с собой.

Я возвращаюсь на Парксайд, где сержанту Дональду Ангусу нужно ровно тридцать секунд, чтобы взломать замок на Софиинном ящике. Перед тем как открыть крышку, он усмехается и показывает мне большой палец.

– Что за черт, – произносит он, уставившись внутрь ящика.

Он вынимает гигантскую кипу бумаг и начинает в ней копать. В основном это газетные вырезки. В углу ящика расположилась флешка на сто сорок четыре гигабайта.

– Она на нем помешалась, – говорит сержант несколько секунд спустя, выгнув густые брови.

– Это мы уже знаем, – отвечаю я, заглядывая ему через плечо и отмечая, что вырезки расположены в хронологическом порядке.

Первой идет заметка из «Таймс» от 17 января 2012 года, раздел «Литература и искусство». Текст сопровождается фотографией Марка Генри Эванса с презентации книги, где он раздавал автографы. Чуть позади автора топчется его жена Клэр, лицо немного смазано. «„На пороге смерти“ занимает первое место в списке бестселлеров „Нью-Йорк таймс“», – сообщает заголовок. Подзаголовок гласит: «Доказывая, что успех приходит и к тем авторам, чьи романы нужно читать дольше четырех часов».

София писала у себя в дневнике о газете с улыбающимся Марком Эвансом.

– Но почему? – нахмурившись, спрашивает Дональд.

Я качаю головой:

– Этого я не знаю.

– Может, Эванс говорит правду?

Я пожимаю плечами.

– Не знал, что у этого человека такие высокие запросы, – говорит через некоторое время сержант, помахивая передо мной другой вырезкой.

Я схватываю заголовок до того, как Дональд возвращает ее в стопку. «Писатель-дуо, муж жены-моно, приглядывается к месту в парламенте от Южного Кембриджшира». Заметка украшена фотографией Марка Генри Эванса на политической конференции, он стоит под руку с женой. В подзаголовке – риторический вопрос: «Неужели независимые кандидаты наконец-то дождались своего часа?»

– Хм... – Мне приходит в голову одна мысль. – Покажите мне, пожалуйста, последнюю заметку в этой стопке.

Дональд добирается до последней вырезки, датированной всего шестью днями тому назад. На ней фотография – голубоглазая блондинка развлекается на яхте в компании мужчины с волосатой грудью. Сопроводительный заголовок кричит: «Налоги ни при чем. Джастин и Шантель играют свадьбу».

Я просматриваю заметку из «Дейли мейл», которую держит Дональд. В ней говорится:

Джастин Уинвард, самый многообещающий британский автор-исполнитель-дуо, женится в сентябре на модели-моно Шантель Хьюстон. Близкие друзья этой пары рассказали, что вчера вечером, сразу после сверхуспешного концерта на «O2 Арене», Уинвард сделал скандально известной блондинке предложение, преподнес ей кольцо с бриллиантом в четыре карата.

Этот брак будет вторым для Уинварда – первый, с актрисой-дуо Гвинет Лэнгли, закончился разводом в октябре прошлого года. Уинварду 32 года, он занимает 137-е место в списке самых богатых людей Британии по версии «Форбс»: его состояние оценивают в 75 миллионов фунтов. Хьюстон 22 года, известность пришла к ней два года назад, после выхода «Большого брата», но больше всего она знаменита своим бюстом размера 36DD и коротким кинороманом с футболистом Харольдом Дуайтом.

Это великосветское моно-дуо-бракосочетание привело в восторг сторонников закона о смешанных браках, который в пятницу будет направлен на подпись королеве. «Смешанные союзы отлично работают, – говорит писатель-дуо Марк Генри Эванс, независимый кандидат в члены парламента от Южного Кембриджшира. – Мы с Клэр, моей женой-моно, уже двадцать лет вместе. У Джастина и Шантель есть все шансы стать успешной семейной парой».

Однако близкий друг Уинварда, дуо, отказавшийся назвать свое имя, намекнул, что исполнитель и автор песен знает о щедрых налоговых льготах, обещанных тем, кто вступает в моно-дуо-союзы. «Джастин – хитрая лиса, – говорит он. – Он знает толк в налогах и в реальности. Эти 36DD не ослепят его настолько, чтобы он забыл о важности брачного договора».

Я хмыкаю и смотрю на Дональда – в голове у меня вдруг сощелкивается.

– София Эйлинг была помешана на Марке Эвансе, – говорю я. – Но не только на нем – ее мысли занимал еще один человек. Женщина со всеми физическими данными, которых Софии не хватало в молодости. Светлые волосы, голубые глаза и большие сиськи.

– Кто это? – Дональд поднимает бровь.

Я улыбаюсь, прежде чем ответить:

– Клэр Эванс.

«Экономист», 27 января 1998 года

«Эппл» представляет айдай

Стив Джобс, исполнительный директор «Эппл», всегда скрупулезно ведет свой дневник. При этом, по отзывам многих, он постоянно стремится туда, куда не ступала нога ни одного дуо. Выход на прошлой неделе айдая, новейшего продукта «Эппл», лишний раз подтверждает эту репутацию.

На презентации мистер Джобс ясно дал понять, что считает айдай прорывом мирового значения. Бумажный дневник – последний бастион аналоговой эры, сказал он: наконец-то дневники вступают в век электроники.

Именно этой цели Джобс намеревается достичь с помощью айдая. Это устройство с диагональю экрана шесть дюймов (15 см) и весом всего 25 унций (0,7 кг). Оно снабжено сенсорным экраном, полной клавиатурой и дисковым переключателем. У него имеется диод, который загорается фиолетовым каждое утро, напоминая пользователю о необходимости изучения вчерашних записей. Программное обеспечение включает эффективную поисковую функцию (что

заметно облегчает извлечение фактов), рабочий список, ежедневник и календарь. Записи легко редактируются и стираются. Стоимость устройства – 79 фунтов за базовую версию и 99 – за более продвинутую, с более объемной, в буквальном смысле слова, памятью. Эта цена делает его доступным массовому пользователю.

Мощные средства защиты информации превращают айдай в поистине уникальный продукт. Автоматическая самоблокировка срабатывает после двух минут бездействия и снимается только после того, как распознает отпечаток пальца пользователя. В качестве дополнительного уровня безопасности предусмотрена защита паролем. После громких прошлогодних скандалов, связанных с похищениями дневников высокопоставленных лиц, инвесторы «Эппл» восторженно оценивают рыночный потенциал айдая. За три дня продаж нового устройства курс акций компании достиг небывалой высоты.

Глава седьмая

Клэр

Нельзя терять голову. Ни в коем случае. Несмотря на то что полицейские увезли моего мужа на допрос, я точно знаю: он не убивал Софию Эйлинг. Факт: Марк мухи не обидит. Он из тех мужчин, которые не переносят насилия. На фильмах Квентина Тарантино он закрывает глаза, когда начинаются драки (что бы там Марк обо мне ни думал, я хорошо усваиваю мелкие случайные факты из своего дневника).

Но он совершенно точно с ней спал.

Я смотрю на свои руки. После работы в саду у них замызганный вид. И беспомощный. Руки женщины, что послушно сливается с бесцветным фоном, на котором ее муж совершает смелые, яркие поступки. Например, пишет книги, которые расходятся миллионными тиражами, или баллотируется в парламент.

Заводит романы.

Значит, Марк Генри Эванс, тот самый человек, который в капелле Тринити-колледжа клялся любить и беречь меня больше всех других, на самом деле меня обманывал. Ради этого он уезжал на выходные из Кембриджа. Факт: он говорил, что у него в Лондоне рабочие встречи. Иногда он даже брал меня с собой на презентации книг и благотворительные балы. И все это время я была ему нужна только для видимости.

Я не дура. Я способна прочесть между строк. Если Марк умеет писать, то я умею читать.

А между строк написано, что Марк – бессовестный вероломный изменник. Обманщик, способный не моргнув глазом предать женщину, с которой двадцать лет делил постель. Лотарио[5 - Лотарио – персонаж «Дон Кихота», беззастенчивый обольститель.], не упускающий ни одной суки из тех, что ловят каждое его слово. Я насмотрелась на них за все эти годы. Я усвоила факты их существования. С горящими глазами они валят на его чтения. Стоят в бесконечных очередях за автографами. Гогочут вокруг, как стая возбужденных гусынь.

Если у Марка был роман с Софией Эйлинг, он все эти двадцать лет мог с такой же легкостью спать и с другими женщинами. Пока я сидела дома и сгребала сухие листья с садовых дорожек.

Схватив подпирающие навес грабли, я зашвыриваю их подальше. С громким радостным стуком они врезаются в цветочный горшок и брякаются оземь.

От потрясения у меня стучат зубы.

Не буду плакать. Как бы мне этого ни хотелось. Несмотря на то что измена Марка – это натуральная оплеуха. Пощечина моей гордости и самоуважению как жены и женщины.

Вероломству нет оправдания. Никогда и ни за что.

Но как так вышло? Я считала Марка хорошим мужем, несмотря на все недостатки и неравенство нашего смешанного брака. Я полагала, что политические амбиции удержат его от походов на сторону. Не нужно быть гением, чтобы предсказать судьбу его избирательной кампании, когда пресса

узнает, что он спит со всеми подряд.

Я ковыляю по садовой дорожке и заползаю в оранжерею. Ее наполняет аромат моих ценных гардений, смешанный со сладостью «Царицы ночи». Желудок отзывается на это сочетание резким тошнотным спазмом. Подскакивает Неттл, приветствуя меня своим мокрым языком. Я треплю его за уши и падаю в ближайшее кресло рядом с орхидеей, на ней два желтоватых цветка-ракушки – наверное, распустились ночью.

Я срываю цветки и сминаю в руках.

В голове пищит ехидный голосок. Он говорит, что мне следовало приложить усилия и постараться понять факты нашей семейной жизни, а не просто заучивать их наизусть. Почему в наших отношениях стало больше удобства, чем страсти. Функции вместо влечения. Почему у нас с Марком два года нет секса. Почему он меня сторонится. Почему нет ребенка в нашей жизни.

Я уже не так красива, как раньше. Двадцать лет брака – это двадцать лет увядания. Двадцать лет гусиных лапок вокруг глаз. Двадцать лет жалкой обвисшей кожи. Двадцать лет уничтожающего эффекта гравитации. Мне страшно думать о жутких складках и двух лишних фунтах, набранных с тех пор, как отец вел меня по церковному приделу – вне себя от радости, что его старшая дочь выходит замуж за человека из высшего класса.

Но любил ли меня Марк когда-нибудь? Например, когда мы только познакомились? Может, я просто выдумала для себя эти факты? Наверное, любил, иначе не женился бы на мне осенью 1995 года. Но что, если все это время я лишь обманывала себя, неверно интерпретируя факты? Как бы ни было это нелепо и не вовремя, я хочу понять прямо сейчас. Выяснить, как и когда наши отношения пошли не в ту сторону. И туда ли они двигались с самого начала? Может, они и тогда были притворством?

Я встаю с кресла и иду по проходу. Факт: за время до 1998 года, когда изобрели айдай, у меня скопилась внушительная стопка бумажных дневников. Они лежат в кладовке, в огромном сейфе. Я щелкаю выключателем и подхожу к железному ящику. Факт: код у него 8412. Я набираю этот номер. В ответ загорается зеленая лампочка.

Я рывком открываю дверцу и вглядываюсь в дневники. Факт: в молодости я записывала очень много, особенно после того, как мне исполнилось восемнадцать. Гораздо больше, чем сейчас. И очень подробно. Юность вообще многословна, теперь я обращаюсь со словами куда экономнее. А может, я слишком боялась упустить что-нибудь важное и потому отчаянно стремилась записать все. Пока мудрость, пришедшая с возрастом (и с унылым пониманием), не открыла мне истину: нет никакой нужды писать все подряд, ибо ежедневные события слишком мало друг от друга отличаются.

Факт: мы с Марком познакомились 26 мая 1995 года. Я достаю тетрадь с надписью «Май – август 1995» и долистываю до этой даты.

17:35. Пришла в «Универ-блюз» и получила от Дженкинса нагоняй за опоздание. Эмили бросила на меня сочувствующий взгляд. [Вним.: больше не опаздывать, иначе потеряю работу.] Протянула первые полтора часа без особых накладок, разве что принесла заказчику обычную колу вместо диетической. [Вним.: собирать пустые тарелки по пути из зала, как советует Эмили: «пришла с подносом и ушла с подносом».]

Начала уже думать, что наконец-то привыкаю к работе официантки, когда в 20:17 появился мужчина под руку с рыжей. Эмили отвела их за столик. Я подошла через несколько минут – принять заказ. Он поднял взгляд от меню и улыбнулся. Не знаю, что на меня нашло, но только ручка и блокнот вдруг вывалились из рук. Из-за его улыбки? Или из-за красивой стрижки с челкой набок? Ответ придумать не успела, потому что ручка отскочила от стола и приземлилась девушке на колени, разбрызгав чернила по всей юбке. Задохнувшись, я забормотала извинения, схватила салфетку, чтобы промокнуть пятна. Чернила уже расползлись по материи, девушка вскрикнула. Дальше – хуже. Подскочил Дженкинс, принялся орать во все горло, а рыжая подхватила сумку и с ругательствами выбежала из ресторана.

Мужчина, однако, остался сидеть. Повернулась к нему и сказала первое, что пришло в голову: я сама заплачу за его ужин, если он останется (что, по прикидкам, перекроет мой дневной заработок в 12,75 фунта). Мужчина улыбнулся и сказал, что хочет маленький бокал бордо. Дженкинс успокоился и с багровой физиономией вернулся за стойку, а я убежала выполнять заказ. Принесла полный графин на 0,75 литра и корзинку с хлебом – щеки у меня по цвету сливались с вином, – извинилась еще раз и исчезла.

Он просидел за столиком минут двадцать. Я сновала туда-сюда и постоянно чувствовала на себе его взгляд, с интересом меня изучающий. Ушел, когда я была на кухне. Подошла к столу убрать посуду. Нашла под бокалом 20 фунтов, хотя вино стоило всего 3,80. И записку на салфетке: «Ну и вечер! Я хотел бы отплатить удовольствием за удовольствие. Эмили говорит, в понедельник у вас выходной. Я буду ждать в ресторане отеля „Дю Вен“ в понедельник (29 мая) в 19:30. Марк Генри Эванс».

Остаток смены прошел как в тумане. Тихо ушла домой в 23:45. Дженкинс посмотрел многозначительно (и отдал только 11,20 фунта от чаевых Марка, забрав штраф в 5 фунтов за «ужасающую неуклюжесть»). Не решила еще, что делать с этим приглашением. [Вним.: может, стоит в понедельник утром купить новое платье.]

Неожиданная мысль меня ошеломила. Что, если Марк тогда просто веселился, глядя на стремительную неумеху? А за двадцать лет семейной жизни веселье сменилось утомительным пренебрежением. Я ведь не написала, что у него в тот вечер был влюбленный взгляд. Его глаза всего лишь изучали меня «с интересом».

Наверное, стоит проверить запись за понедельник. Удостовериться, что все эти годы я просто себя обманывала. Вычитывая из фактов больше, чем нужно, – особенно из тех, что соединили нас в самом начале.

Глубоко вздохнув, я перелистываю несколько страниц.

05:41. Проснулась вся в поту. Ужасный сон про Дженкинса с его воплями, что я никуда не похужу и всегда такой буду. Как хорошо, что сегодня не надо идти в «Универ-блюз». Этот Дженкинс достал меня до печенок, уже по ночам снится.

[...]

19:35. Явилась в «Дю Вен», последовав совету Эмили насчет того, что уважающая себя девушка должна приходить на свидание на пять минут позже, и очень смущаясь из-за нового платья и каблучков. (Мама была вне себя от

счастья, когда я проговорила по телефону о свидании, и сказала, что обязательно нужны подходящие туфли.) Метрдотель показал столик, за которым сидел Марк с дюжиной роз (половина – розовые, остальные – белые). Щегольская серая рубашка с крахмальным воротничком, две верхние пуговицы расстегнуты. Запах дорогого одеколона. Поблагодарил меня за то, что пришла, вручил цветы и только потом перевел взгляд на ложбинку между моих грудей. [Вним.: со следующей полочки купить еще одно короткое облегающее коктейльное платье.]

Стала опять извиняться, но он приложил к губам палец. Сказал, что я сделала доброе дело, поскольку внимание этой рыжей ему «поднадоело до удушливости». Не совсем поняла, что он имел в виду, но в целом получилось, что он на меня почти не сердится. Метрдотель разлил шампанское (заметила на бутылке этикетку «Крюг Гранд Кюве 1977», это очень круто) и подал меню. Чуть не подавилась, когда увидела цены: в среднем от двадцати до двадцати пяти фунтов за блюдо. Взяла свиной желудок, самое дешевое, что там было. Марк заказал хвост омара, поднял тост «за памятное знакомство», улыбнулся, и мы чокнулись бокалами.

За ужином узнала о нем много разных фактов: дуо (пришлось проглотить), работает в Тринити на кафедре английской литературы. Получил степень бакалавра и магистра в одном и том же колледже до двадцати трех лет. Подумывает в один прекрасный день бросить преподавание и написать что-нибудь стоящее. Хотя дюжина рассказов, им сочиненных, остается неопубликованной, и вот уже шесть лет подряд он безуспешно отправляет их на конкурс «Таймс» с призовым фондом в 30 000 фунтов. Мне стало его жалко, я ведь знаю, что это такое, когда тебя никуда не берут. Единственный сын промышленника, владельца замка Энсли в Бакингемшире. Отец надеется, что Марк займется семейным бизнесом, но его это совсем не интересует. Я, в свою очередь, призналась, что УБ – моя вторая работа после школы, первая была – стажер в парикмахерской. Не сказала, что я моно, но он наверняка и так понял.

Набравшись храбрости, спросила, почему он пригласил меня на ужин. Он посмотрел мне прямо в глаза и сказал, что я самая красивая девушка из всех, кого он видел в жизни. У него упало сердце, когда я подошла, чтобы принять заказ, сказал он. Охмуряет, ну и ладно. Он точно умеет обращаться со словами. Итак, Марк влюбился в меня с первого взгляда. Мне должно это льстить.

Странно: старая запись через двадцать лет читается абсолютно по-другому. В тот судьбоносный вечер я интерпретировала слова Марка так, будто он влюбился в меня с первого взгляда. Девятнадцатилетняя версия Клэр настолько хотела в это поверить, что даже заучила свою интерпретацию как факт. Но та Клэр была романтичной, сопливой молодой идиоткой. Усталые тридцатидевятилетние глаза видят кое-что другое.

Это было желание, а не любовь. Марк никогда не любил меня, даже в самом начале. Он просто хотел меня соблазнить, думая, что я самая красивая девушка в его жизни. Вот что он на самом деле сказал в тот вечер. А я вычитала из его слов больше, чем было нужно.

Сморгнув пару слезинок, я открыла страницу, датированную 2 июня 1995 года.

22:05. Кончили ужинать. Фуа-гра – это что-то невероятное, икра белуги еще лучше. Слова Марка меня ослепляют. Можно развить вкус к таким вещам. Три бокала шампанского звенели в голове, когда мы выходили из летнего домика, двадцать четыре розы, белые и розовые, оттягивали руки. Он стал звать меня к себе в Тринити еще чуть-чуть выпить, сказав, что потом проводит. Я не решалась. Тогда он опять улыбнулся мне этой своей улыбкой. И я сказала «да». Провести меня мимо дежурного оказалось не так просто, но Марк вскоре нашел незапертую боковую дверь. Он втолкнул меня в комнату с огромным камином и окнами, выходящими на темный четырехугольник газона. Протянул полный бокал портвейна, от которого голова закружилась еще сильнее.

Следующее, что я помню: он начал целовать меня в губы. Он уже целовал меня вчера вечером, когда мы прощались, но тот поцелуй был целомудренным, хотя и долгим. Этот другой. Требовательный, почти насильный. Марк стал расстегивать молнию у меня на платье. Я пыталась протестовать и отталкивать его руками, но руки были вялыми после шампанского и портвейна. Очень скоро платье и лифчик куда-то делись, и он занялся моими сосками. Почувствовала, как меня окатывает тревожной волной. Но это было так приятно. Так правильно. В конце концов, Марк – джентльмен. Он не из тех мужланов, что болтаются по району, в котором я выросла. Руки его двинулись вниз, и через секунду с моего тела свалилась последняя часть одежды. Мне стало страшно, я от кого-то слышала, что в первый раз это больно. Попробовала его оттолкнуть, но руки не убеждали даже меня саму.

Потом это произошло. Острая разрывающая боль, затем просто неприятные ощущения. Но он действовал мягко, и все закончилось через несколько минут. Не могу сказать, что мне очень понравилось, но в следующий раз должно быть лучше. Он застонал, скатился с моего тела, забился под одеяло и начал сопеть. Не зная, что делать, я несколько минут с тоской и недоумением изучала его профиль. В конце концов сползла с кровати, натянула платье и в 23:35 выскользнула из комнаты, оставив там розы. Слава богу, когда я бежала через прямоугольный двор к боковой двери, дежурного на месте не было. Свежий ночной воздух и энергичная прогулка к дому на Милл-роуд прочистили мне голову. Когда в 23:55 я пробиралась внутрь, было слышно, как возится миссис Перкинс, но больше я никого не побеспокоила.

Что же я наделала? Господи, ведь Марк – дуо. У союзов моно и дуо нет будущего. Но папа с мамой растают от одного его вида, когда познакомятся. В любом случае он должен завтра позвонить. Он сказал за ужином, что в выходные хочет прокатить меня на своем «ягуаре» до Норфолка: мы устроим пикник в прибрежных дюнах с большой бутылкой винтажного «Боленже» из погреба его отца.

Слезы текут как из крана, – теперь я понимаю, что происходило в следующие дни. Я листаю до записи за 3 июня.

04:22. Проснулась с потными ладонями и несущимся пульсом. Ужасный сон про Дженкинса с багровым лицом. Орет из-за стойки, что я – бесполезное ничтожество. Запись от 29 мая говорит, что мне снилось что-то похожее. Ужасно.

[...]

22:45. Марк сегодня так и не позвонил. Но он наверняка позвонит завтра насчет Норфолка. На воскресенье отличный прогноз – 28 градусов и солнце. Представляю, как мы будем гулять рука об руку по галечному берегу, с плетеной корзинкой для пикника.

Запись за 4 июня гласит:

21:15. Телефон так и не звонил. Надежды на пикник в Норфолке под синим небом и ясным солнцем давно испарились. Все же беспокоюсь, не случилось ли чего с Марком. [Вним.: надо завтра позвонить самой. Вдруг с ним действительно что-нибудь не то.]

Только теперь я понимаю, почему Марк повел себя именно так, когда пятого июня я ему все-таки позвонила.

18:04. Перед тем как сесть на велосипед и поехать в УБ, позвонила Марку с телефона миссис Перкинс. Он извинился, что не позвонил на выходных сам, сказал, что были срочные семейные дела. Голос отрешенный, как будто чем-то занят. Сказал, что ему нужно уходить. Я в замешательстве повесила трубку. Наверное, надо радоваться, что с ним ничего не случилось...

Я листаю страницы, просматривая их на ходу. Они подтверждают мое все растущее подозрение насчет первых дней наших отношений: Марк преследовал меня со всей страстью до той самой ночи и секса в Тринити, а после нее полностью потерял интерес. Он не позвонил, чтобы пригласить меня на пикник. Или на ужин, если на то пошло. На самом деле он не позвонил вообще.

Правда, которую я не видела: Марк просто хотел секса со мной – в то время симпатичной девятнадцатилетней невинной девочкой.

И ничего больше.

Неудивительно, что неделю спустя я наткнулась на него с другой девушкой. Так говорит мой дневник – простыми фактами. Наверное, стоит вновь изучить события того вечера – теперь, когда до меня наконец-то дошла правда о его тогдашнем поведении.

Мазнув рукавом по глазам, я открываю тетрадь на записи за 12 июня 1995 года.

18:30. Первые два часа в УБ прошли тихо. Эмили сказала: это потому, что в Тринити, Джизас и Клэр сегодня майские балы.

21:32. Пришли посетители, сели у окна. К своему ужасу, я увидела в окно Марка – он шел по противоположному тротуару, при белом галстук-бабочке, под руку с девушкой в потрясающем персиковом платье и белых перчатках. Они явно шли на бал: наверное, в Тринити. Несколько секунд я глотала воздух, потом бросилась к Эмили и упростила ее прикрыть меня (Дженкинс, слава богу, был занят с клиентом). Выскочила из УБ, но Марк с девушкой уже скрылись из виду. Решив высказать Марку все, что я о нем думаю, побежала туда, куда они направлялись. На Честертон-роуд их не было, и я помчалась обратно, сообразив, что они могли пойти через пешеходный мост над шлюзом Джизас-Лок.

В конце концов обнаружила их на дорожке у самой реки. Побежала в ту сторону, очень хотелось закричать на Марка, но я молчала. И тут девушка шагнула вперед и сделала в точности то, что хотела сделать я, – стянула с руки перчатку и хлестнула Марка по лицу. Замахнулась, чтобы врезать еще раз, но потеряла равновесие. Высокие каблуки подвернулись, она ударилась головой о фонарный столб и рухнула на землю клубком рук, ног и ткани. Поднялась, встала на колени, попыталась стукнуть Марка еще раз, но теперь это вышло гораздо слабее.

Я подумала, что стоило бы, пожалуй, присоединиться к девушке и отлупить Марка вместе с ней. Но потом сказала себе, что он и так получил по заслугам, а Дженкинс высосет всю мою кровь, если меня не будет на месте слишком долго. Повернулась, пошла к УБ, однако вскоре меня захлестнула новая волна гнева. Выкинув Дженкинса из головы, развернулась посреди Честертон-роуд на сто восемьдесят градусов и вновь побежала по мосту на другую сторону. К тому времени Марка и девушки около Джизас-Грин уже не было. Я решила, что они где-то впереди, и побежала по дорожке дальше. В конце концов нашла Марка на Магдалин-стрит. Он был один. Девушка в персиковом платье пропала.

Я переворачиваю страницу и замираю. Следующие листы исчезли. У самого корешка от них остались тонкие полоски бумаги. Остальное аккуратно отсечено, скорее всего бритвой или перочинным ножом.

Слезы испарились. Я вожу дрожащим пальцем по срезам бумаги. Недоумение и нежелание верить своим глазам заставляют меня пересчитать их – всего

двенадцать. Следующая дневниковая запись перебрасывает меня на тринадцать дней вперед. Видимо, я когда-то вырезала эти страницы.

Но зачем?

Может, запись от 25 июня объяснит, почему исчезли предыдущие.

05:50. Мокрые простыни – спасибо приснившемуся Дженкинсу за очередные вопли («Ты никому не нужна, Клэр. Ты ничтожество»). Попыталась заснуть опять. Проверила предыдущие записи. С тех пор как я начала работать в УБ, этот сон снился мне четыре раза. Дженкинс преследует меня днем и ночью. Хорошо бы уволиться. Но здесь платят лучше, чем в салоне причесок.

10:30. С трудом выбралась из тяжелого полусна после того Дженкинса. Тупое сосущее чувство пригвоздило меня к кровати, я просто лежала, разглядывая потолок в паучьих трещинах.

12:30. Решила послушаться Эмили. Вытащила себя из койки и позвонила в поликлинику на Бридж-стрит. Записалась на прием к Артуру Девайну в 11:00 29 июня. [Вним.: рассказать доктору Девайну о черной бездонной яме, которая меня заглатывает, о том, как я не могла заснуть вчера ночью, и об этой ужасной душащей боли в груди. Но не говорить про то, как вчера утром, перед тем как уехать в УБ, мои мысли кружились вокруг большого разделочного ножа, который лежал на кухне у миссис Перкинс.]

21:58. Уронила на пол бокал для вина. Дженкинс прорычал, что вычтет его стоимость из следующей полочки вместе с двумя тарелками, которые я разбила вчера. [Вним.: нужно быть внимательной, особенно в ближайшие недели. Не то от моей зарплаты ничего не останется.]

22:53. Вышла из УБ и обнаружила за дверями Марка с очередной кипой роз. После того как я неделю не обращала внимания на его несчастную фигуру (получается, он стоит тут уже седьмой день подряд, и букеты все растут), мне вдруг стало его жалко. Может, он и вправду осознал...

Судя по этой записи, я провалилась в ужасную депрессию, узнав, что Марк за моей спиной встречается с другой девушкой. Настолько ужасную, что пришлось звонить врачу. Из-за этой депрессии я могла сделать любую глупость, например вырезать из дневника двенадцать страниц.

И все же, если на этих страницах было что-то важное, не все потеряно. Факт: я очень старательно изучаю свой дневник. Я трачу на его чтение куда больше времени, чем мой муж. (Я погружаюсь в него каждое утро, тогда как Марк свой айдай лишь поверхностно проглядывает; высокомерный, как все дуо, он не замечает того факта, что работает над дневником меньше меня). Я могу доверять фактам, сохранившимся у меня в голове.

Чтобы проверить себя, я зажмуриваюсь и пытаюсь вытащить из нее какие-нибудь факты о тех двенадцати днях. Вот что происходило в ночь Тринити-бала вскоре после того, как я нашла Марка на Магдален-стрит.

– Марк! – окликнула я его.

Он замер на полушаге и обернулся. Понял, что это я, плечи стали жесткими.

– Что ты здесь делаешь? – спросил он.

– Я все видела, – сказала я, подходя ближе. – Как вы держались за руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

ЦАМФ – циклический аденозинмонофосфат. – Здесь и далее примеч. перев.

2

Инспектор Жавер – персонаж романа Виктора Гюго «Отверженные», талантливый сыщик, свято верящий в правоту закона, но играющий в романе роль антагониста.

3

Язык гипертекстовой разметки.

4

Протокол передачи гипертекста.

5

Лотарио – персонаж «Дон Кихота», беззастенчивый обольститель.

Купить: https://telnovel.com/ru/yap_felisiya/vchera

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)